

Александр
МАЛИНОВСКИЙ

САГА
О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯХ

Александр Малиновский

Сага о первооткрывателях

«Лариса Малиновская»

2014-2017

Малиновский А. С.

Сага о первооткрывателях / А. С. Малиновский — «Лариса Малиновская», 2014-2017

ISBN 978-5-9908540-1-7

Эта книга известного российского писателя Александра Малиновского посвящена освоению Северо-Востока России. Используя официальные документы, научные статьи, воспоминания, дневниковые записи участников экспедиций, автор создаёт широкую панораму освоения далёкого золотоносного края. Читатель становится свидетелем непридуманных, полных драматизма событий в судьбах первооткрывателей месторождений Алдана, Колымы, Индигирки, Чукотки. Задавшись целью осветить судьбу одного из первооткрывателей тех лет, Валентина Александровича Цареградского, автор знакомит читателя и со многими другими первопроходцами. Среди них представители научной школы Всесоюзного геологического института (ВСЕГЕИ), крупные отечественные учёные: член-корр. АН СССР Ю.А. Билибин, академик С.С. Смирнов, профессор А.К. Болдырев... Мы узнаём о малоизвестных геологах, старателях, проводниках. Об их самоотверженном труде, о более молодом поколении Цареградских. Автор рассказывает о первооткрывателях «чёрного золота», об освоении нефтяных месторождений Поволжья и Западной Сибири. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9908540-1-7

© Малиновский А. С., 2014-2017

© Лариса Малиновская, 2014-2017

Содержание

Книга открытий	6
Глава 1	9
У истоков	9
Моё путешествие	12
Люди пытливого ума	14
В анкетах не значились...	15
Мой невольный эксперимент	16
Стране нужны созидатели	18
Село Никольское-на-Черемшане	19
В селе Кондаковка	22
Тонкие нити	24
Сёстры Цареградские	26
Мой помощник из Сургута	28
Встреча в школе	29
Глава 2	30
Годы студенческие	30
Гадюка для бухгалтерши	34
Революционный матрос и коза Катька	35
Горный ковбой	36
«Я – Юра!»	38
Средний брат Володя	40
Катя	42
Гранит науки	44
Будущий «Золотой Моцарт» и «Бледнолицый брат»[10]	45
Десять размоченных горошин	48
Единомышленники	50
«...Доказать усердие к услуге Отечества»	53
На Алдан!	55
Эрозия неактивности	57
«Сено-солома»	58
Глава 3	60
У истоков большого золота	60
Страницы прошлого Колымы	61
Благородный металл	63
На Алдане	66
Пробойный Вольдемар	68
Трудовая артель	71
Старатель Тарабукин	73
На ручье Незаметном	74
Жизнь приисковая	77
Валютный цех страны	79
«Позвольте представиться...»	80
Где и как искать?	81
Новые друзья	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Станиславович Малиновский

Сага о первооткрывателях

*С благодарностью Жамиле Кульчуновой, Эмису Булатову.
Всем, кто помогал мне собирать материал для этой книги.*
Автор

© Малиновский А.С., 2017

© Русское эхо, 2017

* * *

Книга открытий

Удивительный человек – Александр Станиславович Малиновский. Казалось бы, столько уже всего пройдено и пережито, столько открытий, столько достижений... Ну, посмотрите: он прошёл путь от рядового рабочего до генерального директора и руководил несколькими крупными нефтехимическими предприятиями почти четверть века, он заслуженный изобретатель России, академик Российской инженерной академии, он член Союза писателей России, издавший более двадцати книг (причём весьма разноплановых), отмеченных несколькими всероссийскими литературными премиями, он профессор университета, проплывший на резиновой одноместной безмоторной лодке от истоков реки Самарки до её устья, он всю жизнь открывает миру своего земляка иконописца Григория Журавлёва, родившегося без рук и ног и писавшего иконы, зажав кисть зубами, он... Слово «открывает», наверное, определяющее в Малиновском. Он действительно всю жизнь делает открытия и тут же стремится поделиться ими. Будь то открытия научные и производственные, будь – литературные или открытия в судьбах людей. И, наверное, книгу о первооткрывателях должен был написать именно он, потому что Малиновский и его герои близки по духу. И богатейший материал мог бы ещё долго томиться, разбросанный по всей стране – от Самары до Ленинграда, от Москвы до Чукотки, – если бы одна из крупниц не заблестела для Малиновского, как первая золотая крупница для золотоискателя. А дальше, как тот золотоискатель, который с терпением и тщанием промывает золотоносные воды, так и писатель начал собирать материал. А затем отлил его в этот объединивший в себе события, людские характеры и судьбы золотой слиток, который вы сейчас держите в руках.

В чём главный дар первооткрывателя? Конечно, это и целеустремлённость, и сила воли, которая помогает преодолевать трудности, и богатые и весьма разносторонние знания, придающие уверенность – и всё же я выделил бы другое – умение удивляться миру. Причём не просто удивляться: вот, мол, какая странная штука попалась, а с восторгом восклицать: как прекрасен наш мир! И как он необъятен, и потому можно бесконечно – всю жизнь – открывать в нём новое, и радоваться его чудесной устроенности и красоте. И когда это есть в тебе, то так всю жизнь и идёшь – от открытия к открытию.

Александр Малиновский в своей книге показывает нам именно таких людей. Невольно задумываешься: что же это за время такое было, которое на рубеже XIX и XX веков породило столько людей, почувствовавших в себе этот первооткрывательский дар, безоглядно поверивших в него и служивших преданно и с поражающей уверенностью в свою правоту?

Это действительно эпоха. Александр Малиновский рассказывает нам, наверное, о самой малоизвестной части её. Мы много знаем о революционерах того времени, о военачальниках, о писателях, но почти ничего – об учёных. Тем более о тех, которые были глубокими теоретиками и целеустремлёнными практиками.

Эти люди ехали из Ленинграда через всю страну на малоизвестную Колыму (даже карт точных не было!) искать для страны столь необходимое золото. Они прокладывали первые тропки, по которым потом пройдут дороги, они основывали палаточные стоянки, на месте которых потом вырастут города. И можно было написать, наверное, не один приключенческий роман в духе, скажем, Фенимора Купера, но у Александра Малиновского свой метод: он точен в изложении фактов и биографий, удерживая себя от всевозможных фантастических измышлений. А ведь, наверное, мог бы... Но вот эта приверженность документализму оплачивается тем, что вдруг всё складывается в

захватывающее повествование. Сами судьбы героев – их нельзя, невозможно приукрасить или что-нибудь присочинить! Они сами по себе романичны и самодостаточны!

Той золотинкой, которая поманила за собой и помогла открыть целый пласт богатой на события и открытия эпохи, стала судьба замечательного учёного и человека – Валентина Александровича Цареградского. Именно он является той путеводной нитью, следуя за которой, мы вместе с жизнью В.А. Цареградского знакомимся с другими замечательными людьми того времени, переносимся из заволжского, патриархального села начала прошлого века Никольское-на-Черемшане в Петербург, оказываемся в Москве, затем исследуем необъятные просторы Колымы, возвращаемся в Куйбышев... И это отнюдь не значит, что круг замкнулся: столько ещё неисследованного! Чукотка, Якутия, Западная Сибирь – всё это оказывается в сфере нашего внимания. Какие пространства! А какие люди! Поражает их разносторонность и едва ли не всеохватность. Это были не просто учёные в узком «лабораторном» понимании этого слова. Они сочиняли стихи, пели, прекрасно рисовали, любили охоту, умели сплавать на плотах по бурным рекам, выживать в тундре... всего и не перечислишь. И при этом это простые в общении люди, но с поразительными для нынешнего времени чувствами чести и служения Отечеству.

Меня многое удивило в книге и заставило посмотреть на многие вещи более пристально. Пусть каждый читатель делает свои открытия (а их можно ожидать немало), но одним моментом всё-таки поделюсь. Действие книги, так сказать, её родословная уходит в начало XIX века, а заканчивается уже ближе к концу века XX. То есть охватывается не один и даже не два периода жизни нашей страны – и всё это представляется без каких-либо разрывов, как одно огромное полотно. Но сейчас речь не об этом. Основные события развёртываются в первой трети прошлого века. Так вот, прочитав книгу, я вдруг поймал себя на мысли: а где же революции, гражданские потрясения, ГУЛАГ, в конце концов, про который каждый, кто пишет про то время, считает нынче своим долгом обязательно упомянуть? Нет, конечно, всё это присутствует, но каким-то едва заметным фоном. Главным оставалось дело, к которому они призваны и которому служили беззаветно. Мир оставался для них важен постольку, поскольку надо же было выбивать деньги на экспедиции, где-то доставать оленей, надо было как-то налаживать систему работы. Дело – вот что было для них главным. И если ты его делал так же самозабвенно и не думал о каких-то личных выгодах и привилегиях, то ты принимался в дружную семью первооткрывателей и уже оставался в ней навсегда.

Но это слишком просто: вот выбрал путь и дерзай, следуй, преодолевай, служи... И хорошо, что в книге Александра Малиновского Дело поставлено во главу угла, но какая же трагедия, когда человека лишают возможности его делать. Вот ты идёшь по тернистому, трудному пути и знаешь, куда идти, и понимаешь, как будет сложно, но готов терпеть и преодолевать – и вдруг тебе говорят: стоп. Как пережить это? Как вообще можно пережить, когда тебя, живого, лишают смысла жизни? Такую трагедию пережил близкий друг и соратник В.А. Цареградского Юрий Билибин, который по большому счёту и «вычислил на кончике пера» «золотую пряжку», и организовал Первую Колымскую экспедицию, сам проложил первые пути к золотоносным жилам. Юрий Билибин тоже тесно связан с нашим краем, он учился в Самарском реальном училище. Вернувшийся из очередной экспедиции в Магадан, он будет отстранён от дел, и ему предстоит возвращаться на Большую землю. Человеку, запустившему огромный маховик государственного освоения Колымы, только что вернувшемуся из тайги, негде было ночевать... Что пережил Юрий Билибин, добираясь через всю страну на поезде в Ленинград?..

Он остался жив и стал известен фундаментальными научными работами, без знания которых до сего времени не обходятся геологи. А другие судьбы... Дмитрий Воз-

несенский, ближайший друг Валентина Цареградского и Юрия Билибина, писал: «Пока я буду нужен Колыме, я её не покину. Я люблю её за то, что ей отданы лучшие годы моей жизни, за то, что она является редкой жемчужиной в сокровищнице Советского Союза». Его наградят орденом Трудового Красного Знамени, а вскоре арестуют. Шёл 1937 год... «Лес рубят – щепки летят»? Да какие же это «щепки»?! Это золотой фонд страны! Наш земляк Александр Серебровский... Человек, стоявший у истоков нефтяной и газовой промышленности страны, будет расстрелян...

...И всё же дело освоения далёкого и во многом неизведанного края продолжалось. Читатели книги познакомятся с такими удивительными людьми, как братья Бертины, Раковский, простые рабочие (например, чего стоит один Степан Степанович Дураков, который умел делать, кажется, всё, – вот он обычный русский крестьянин, оказавшийся волею судьбы на краю света).

Не только золотом оказалась богата Сибирь и Дальний Восток. Позже начнутся поиски олова. Владимиром Серпуховым будут открыты так называемые «точки», которые назовут его именем, и впоследствии здесь обнаружат богатейшие запасы олова.

А чего стоят открытия в Поволжье и Западной Сибири крупнейших запасов нефти и газа, их освоение! Здесь засияют имена И. Губкина, В. Муравленко, В. Васильева, В. Савченко и многих других...

...Страницы героической жизни нашего Отечества уже в военное и послевоенное время, достижения и утраты в жизни геологов и нефтеразведчиков тех лет заслуживают такого же пристального документально-художественного исследования. И можно надеяться, что именно об этом будет следующая книга столь самобытного автора.

*Александр Громов,
секретарь Правления Союза писателей России*

Глава 1

Истоки, или Волжская Атлантида

У истоков

Впервые я услышал о геологе-исследователе Северо-Востока России Валентине Александровиче Цареградском от жительницы Самары Жамили Кульчуновой. Она только что вернулась из Якутии, куда была приглашена на юбилей посёлка Усть-Нера.

Основателю посёлка исполнилось 110 лет, посёлку – семьдесят пять. 6 августа 1937 года В.А. Цареградский во главе группы геологов высадился в самом холодном месте на земле, Оймяконе, у берегов Неры и Индигирки.

Этот день высадки и стал датой основания посёлка Усть-Нера, который своим рождением обязан разведке и добыче золота.

А до этого, начиная с 1928 года, были экспедиции на Колыму.

– А вы знаете, что геолог Цареградский родился и жил в селе Никольское? – спросила меня Жамиля в нашем разговоре.

– На «тихой родине» поэта Николая Рубцова, на Вологодчине? – откликнулся я.

– Нет. У нас в Поволжье. В селе Никольское-на-Черемшане Ставропольского уезда.

Так я в один день впервые услышал и о В.А. Цареградском, и о селе Никольское-на-Черемшане Самарской губернии, ныне Ульяновской области.

– У нас в Ставрополе, теперь Тольятти, он учился в реальном училище, затем в – Самарском университете на физико-математическом факультете. И об этом практически никто не знает, – говорила Жамиля.

Мне захотелось знать о В.А. Цареградском. И как можно больше.

...Оказывается, что Жамиля уже энергично приступила к собиранию сведений о жизни нашего знаменитого земляка.

Вскоре с её помощью я составил для себя краткую справку.

В.А. Цареградский (24 июля 1902 – 5 августа 1990) – геолог, учёный, Герой Социалистического Труда (1944), генерал-майор инженерно-технической службы, лауреат Сталинской премии первой степени (1946), кавалер двух орденов Ленина (1941, 1944), двух орденов Трудового Красного Знамени (1935, 1943), орденов Красной Звезды (1945), «Знак Почёта» (1939), Почётный гражданин города Магадана (1969), Почётный разведчик недр (1987), награждён многими медалями.

Его именем названы улицы в городах и посёлках Якутии, Магаданской области, ледник в бассейне реки Буордах в горной системе Черского в Момском районе Якутии, один из видов моллюсков в юре Северо-Востока страны.

Интенсивное освоение Северо-Восточных окраин нашей страны началось с экспедиций Геолкома ВСНХ, участником и руководителем которых был В.А. Цареградский. Тогда была сформирована большая разветвлённая служба для исследований в бассейнах рек Яны, Колымы, Индигирки, Лены, на территории Чукотки. Совместно с академиком Смирновым им написан научный труд «Северо-Восток Азии, его металлогения и оловоносность». Ему принадлежат научные работы по геологии, палеонтологии, влиянию космоса на геологию Земли.

...И всё это малоизвестно теперь. В Самаре тем более.

Конечно, отчасти это объясняется тем, что вся активная трудовая и научная часть жизни В.А. Цареградского проходила за пределами Самарского края. Но всё же... Корни его родословной в нашем крае. Родился он на Волге!

...Жамиля Джумабаевна активно предпринимала попытки привлечь как можно больше внимания к изучению бесценного наследия учёного.

В её планах – организация в Самаре Русского культурного образовательного фонда имени Валентина Александровича Цареградского, создание музея семьи Цареградских.

Цель Фонда: сохранение и передача опыта прошлых поколений, стимулирование интереса молодёжи к промышленному и научному возрождению России.

...Стоит только вдуматься: совсем небольшая группа геологов, заряженных мечтой молодых людей, открыла для нас богатейшие ресурсы территории к востоку от реки Лены.

Огромные пространства земли Северо-Восточной Азии обнаружили в своё время сибирские землепроходцы XVII века.

А потом были исследованы в этом крае не только горы, реки и моря, но и обнаружены огромные запасы руд и металлов. Всё это перед началом Великой Отечественной войны...

Прозябавшие когда-то земли, на которых вполне бы могли уместиться все государства Западной Европы, претерпели значительные преобразования. И у истоков этих свершений стояли несколько энтузиастов.

Первая Колымская экспедиция 1928–1929 годов, последующие три, с которыми связаны имена Юрия Александровича Билибина, Валентина Александровича Цареградского, Сергея Дмитриевича Раковского, Эрнеста Петровича Бертина, Дмитрия Николаевича Казанли и др., совершили небывалое.

Время освоения Колымского края явило после немало имён истинных первопроходцев, сделавших свои открытия и находки. Слава им!

Но участники Первой Колымской экспедиции под руководством Юрия Александровича Билибина, Второй, Третьей, Четвёртой, возглавляемые В.А. Цареградским, – были первыми! Первыми профессиональными геологами, включившимися в поиск золота.

О вкладе В.А. Цареградского в отечественную и мировую науку, в изучение и освоение Северо-Востока страны и Западной Якутии, в открытие нового направления в геологии в 1930–1950 годах известно по работам, написанным в разные годы. Теперь открываются неизвестные страницы его жизни, связанные с Самарским краем, убирается завеса тайны с засекреченных ранее архивных документов.

Имя В.А. Цареградского приобретает особое значение в связи с новым крупномасштабным научным исследованием и промышленным освоением территорий Якутии, Чукотки, Магадана, Камчатки научным сообществом России, проводимыми Российской Академией Наук, Правительствами России и Якутии.

Мы заразились своими поисками.

Хотелось знать: как всё начиналось?! Каким был В. Цареградский в жизни? Какими были окружавшие его люди – наши земляки? В 2018 году исполняется 90 лет начала системных поисков и разработки месторождений на Колыме. Самим участникам было бы теперь более ста. Нет уже очевидцев тех событий. Не с кем поговорить как с участником великих, теперь это особенно очевидно, дел...

Неужто абсолютно прав наш национальный гений поэт Державин, родившийся в Казани, проведший свои детские годы в основном в принадлежавшем его родителям селе Богородское Борского района Самарской области? Истоки его рода и многие годы жизни тоже связаны с нашим Заволжьем.

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся*

*Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Уж больно безжалостно и жестоко сказал классик за два дня до своей смерти. Сколько знаю это стихотворение, столько и живёт во мне сопротивление против забвения дел человеческих. Неужто беспмятство так неотвратимо?.. Память! Она передаётся из поколения в поколение. И это живуче в народе. Потому и существуют легенды, сказания, воспоминания, что есть неистребимое желание знать и помнить! А то, что помнится, – не умирает... Захотелось как можно больше знать о наших земляках.

Моё путешествие

Наступил день, когда я удивился: было уже со мной нечто подобное! Было! Правда по несколько другому поводу... Лет десять назад мне, преподавателю кафедры «Общей химической технологии и экологии», предложили читать курс лекций по экологии. Разговор об экологии как науке особый. Экологией сейчас, чаще всего походя, занимается кто угодно. Многое «замылилось», ко многому в обширной говорильне мы уже привыкли.

Мне, проработавшему около сорока лет на предприятиях нефтехимии, совершенно очевидно, что без экологизации мышления, экологизации технологических процессов, всего нашего образа жизни мы все скопом упрёмся в тупик.

Экология – мировоззренческая наука, объединять она должна и сознание, и опыт, и знание, всю нашу деятельность! Она из тех наук, которые могут сделать многое... Спасти мир!

...Тогда, в первый год чтения мной лекций по разделу «Гидросфера», зашёл разговор о наших малых реках, в том числе и о реке Самаре. И я был поражен: мои слушатели – студенты мало что знали о реке. Жители города, название которому подарила эта река, не знали, где она берёт начало, какой длины. Какая она не в устье, при впадении её около города в Волгу, а там – в оренбургских степях? Чем река пригодилась горожанам? Не знали – и всё тут!

Несколько раз в день произносящие слово «Самара» не знают, что оно значит. Я занудливо продолжал спрашивать знакомых, домашних, коллег по работе. Познания обнаруживались более чем скудные. А сам-то я? Много ли знал я, выросший на берегу Самарки? Я рыбачил на Самарке, часто ночевал с ватагой сверстников на её берегах... Всё свободное время мы проводили на реке. Помню, как мой дед – конюх, рыбак и охотник подошёл ко мне, я тогда учился в классе пятом, и своими шершавыми пальцами, улыбаясь, потрогал меня за ухом.

– Что, деда? – спросил я.

– Да, вот боюсь, не выросли бы у тебя жабры. Три дня подряд с ночёвкой пропадал на реке, смотри...

Вспомнил эти мои золотые деньки, из детства, и... стыдно стало за своё незнание, за забывчивость... Собирался ведь несколько раз добраться до истоков реки. Да вот всё дела и дела... Будто стараясь загладить свою вину, я уговорил четырёх своих приятелей. И мы, арендовав старенький автобус, погрузили своё снаряжение и отправились в путь.

Целью нашей было: добраться до истока реки, отпустить автобус и на одноместных резиновых лодках по Самаре, проплыв её всю, добраться до устья. До Волги!

...Мы прошли от истока реки под Оренбургом до города Самары около 600 километров за 23 дня. И не пожалели! Это были лучшие дни и ночи в моей жизни. Я плыл по течению реки. И против... против своего возраста... в детство! Оно у меня было крепко связано с этой рекой. Таков был уклад жизни нашей. Природа являлась тогда существенной частью нашего сельского быта, если не главной... Мы открыли в своём путешествии для себя родник – исток Самары под селом Кариновка, близ Большого сырта, видели белых цапель, перетерпели шторм на Сорочинском водохранилище, обнимали вчетвером и не смогли обнять в реликтовом Бузулукском бору 300-350-летние сосны... Они, эти сосны, видели А.С. Пушкина, который проезжал здесь в 1833 году, направляясь в Оренбург. Результатом этой его поездки стали «Капитанская дочка» и «История бунта Пугачёва». Наша вылазка к тихому истоку реки превратилась в путешествие в наше давнее прошлое, историю России. В крае когда-то бушевало восстание Пугачёва, родители Карамзина и Державина служили под Оренбургом. Их имения были под Бузулуком. Державин, Суворов, Пугачёв – эти имена, как оказалось, связаны одной цепочкой событий в нашем Заволжье.

В составе царской свиты был у нас Жуковский. Жил в Оренбургском крае С.Т. Аксаков. На реке Тананык (приток Боровки) жил Л.Н. Толстой. В Оренбурге служил чиновником по

особым поручениям у военного губернатора генерал-лейтенанта В.А. Перовского известный тогда уже Владимир Даль. Дед В.М. Шукшина по матери Сергей Фёдорович Попов – мордвин, приехал в село Сростки Алтайского края (где потом родился В.М. Шукшин) из села Толкаевка Оренбургской области.

Во время сплава по Самаре я вёл дневник. Он пригодился мне на занятиях со студентами. Эта поездка дала мне многое. Я был переполнен впечатлениями.

И теперь подумалось: «А что, если, оттолкнувшись от малого родничка – села Никольское-на-Черемшане, где родился В.А. Цареградский, пуститься в плавание? И проследить, насколько получится, его жизнь в общей цепочке событий разных лет! Во взаимосвязи с судьбами людей, близких его среде и занятию! Будет о чём рассказать студентам, составив что-то похожее на «Записки преподавателя».

И я решился отправиться в это своё плавание, ещё отчётливо не понимая, что из этого получится...

...Пришлось немало читать, активно общаться... И сколько было с первых же дней у меня открытий! И больших, и малых...

Начав записывать по ходу своего путешествия, обнаружил, что мои записки напоминают некий расширенный суховатый реферат. И смирился с этим. Пусть торжествует сама действительность...

Ведь сказано давно ещё, что реальные события куда значительнее и величественнее, чем услужливое воображение потомков.

Люди пытливого ума

Издавна в российской геологии видное место занимали первопроходцы – «рудознатцы» недр, которые на свой страх и риск вели поиски, разведку новых месторождений полезных ископаемых.

Ещё царь Пётр I обратил внимание на значение труда «рудознатцев» для государства. В своём Указе от 24 августа 1700 года он утвердил «Приказ рудокопных дел». По нему надлежало вести изыскания, готовить специалистов горного дела.

Много позже, уже при Советской власти, определили, что в геологии: «Первооткрывателем является физическое лицо или юридическое лицо, или группа лиц, личным участием обнаружившие промышленное месторождение полезных ископаемых».

Потом это определение будет уточняться, дополняться, но основная суть его остаётся неизменной.

Так в геологии. Но жизнь Цареградского, Билибина и многих их современников не ограничивалась одной геологией.

При сборе информации о геологах потянулась цепочка имён и событий из их родословных, предков и потомков, которые оставили заметный след в науке, в геологии, в нефтеразведке, освоении месторождений «чёрного золота» уже в наши дни. Не все они попадают под сухое определение «первооткрыватель», но без них не было бы того, что мы имеем. Взглянем шире на это понятие. Первооткрывательство в науке, в искусстве, в отношениях людей, в повседневном обиходе... Удивимся людям пытливого ума и завидной энергии, которые двигают нашу жизнь. И украшают её...

...Круг единомышленников Жамили в Самаре и в Якутии, где Валентин Александрович Цареградский провёл значительную часть своей жизни, ширился.

В анкетах не значились...

Жамиля рассказывала:

– Запросила в архиве города Магадана копии документов, подтверждающих место рождения В.А. Цареградского, данные о близких родственниках. Но такие сведения отсутствовали.

Начались поиски родственников в Самаре, Самарской области. Областной музей имени Алабина материалов о таком человеке не имел, его имя там слышали впервые.

Вышла с просьбой к федеральному инспектору по Самарской области С.Я. Чабану оказать помощь и содействие в поисках родственников В.А. Цареградского.

До августа 2014 года информации о родственниках не было.

И тут откликнулась Светлана Цареградская – внучатая племянница Валентина Цареградского. Её дед Александр был младшим его братом.

Светлана дала телефонный номер Олега Александровича Цареградского. Тот дал телефон Тамары Ивановны Цареградской – снохи Александра Александровича Цареградского – брата героя. Получила информацию от дочери В.А. Цареградского Ирины, которая жила в Санкт-Петербурге... И потянулась цепочка...

* * *

Открывались обстоятельства, порой совсем неожиданные и поразительные, вырастающие, казалось бы, из самых незначительных, на первый взгляд обыденных вещей...

Жамиля продолжала напористо:

– Сами же мне говорили. Надо по крупицам, пока ещё что-то сохранилось, собирать материал. Делать его доступным для других.

Я согласно кивал головой.

Но ей не хватало моего молчаливого согласия:

– Сегодня очень важно, что человек XXI века будет нести в мир. У каждого из нас свой потенциал. Он требует реализации. Когда человек вдохновлён великой целью или необычным замыслом, как Валентин Цареградский, появляется понимание своего места и своей роли в обществе.

И тут я не возражал. Пафосность её мне была понятна.

А она не смолкала:

– Все Цареградские меня поддерживали. Было получено от дочери В. Цареградского Ирины согласие на использование имени её отца в названии нашего будущего фонда...

Так я оказался свидетелем, а отчасти и участником замечательного начинания.

Мой невольный эксперимент

Читая лекции студентам, находил время и начинал разговор в разных группах о первооткрывателе В.А. Цареградском. Оказывалось, что никто о нём не знает. Это мне было уже знакомо. Неведомо многим, что совершил этот человек в своей жизни? Как связан с Самарой? Даже не слышали, как и я совсем ещё недавно, о такой необычной и звучной фамилии.

«Ну, ладно, – думал я, – мои третьекурсники довольно молоды! Не читали...»

...Спросим у заочников, съехавшихся на весеннюю сессию едва ли не со всех концов России: они постарше.

Результат тот же. И только один тридцатилетний буровик-нефтяник неуверенно произнёс:

– У нас в Сургутском управлении буровых работ № 3 трудился Александр Юрьевич Цареградский. Откуда знаю? Его буровая бригада по итогам 2014 года в соревновании ОАО «Сургутнефтегаз» заняла первое место.

– А как связан он с Самарой? – спросил я, не удержавшись.

– Его родственники по линии отца из Самары, долго жили и работали у нас в Сургуте.

* * *

Через два-три дня после лекции мы продолжили с буровиком из Сургута, Евгением Васильевичем Конюховым, наш разговор:

– Цареградский был когда-то начальником Сургутского УБР-1. На Север его пригласил ваш В. Муравленко в 60-х годах. До этого Юрий Александрович работал буровым мастером у вас тут, в Отрадном. О его рекордах писали, – доложилась он.

– Откуда знаете?

– Мама моя долгое время в управлении работала. Она нефтяник по образованию. Я с ней созвонился. Оказывается, она знает немало. Их три брата из Самары было у нас в Сургуте: Юрий Александрович, Валентин Александрович, Олег Александрович, Валентин был главным энергетиком. Жена моя Надя говорит, что общий трудовой стаж династии, включая работу в Отрадном, составил около 250 лет!

Я воодушевился. Знаю по своему преподавательскому опыту, что студенты – как пчёлы: стоит целенаправленно их озадачить, они насобирают кропотливо и принесут то, что надо. Спрашиваю:

– Сможете, приехав домой, немного потрудиться и составить мне небольшую записку о Цареградских?

– Как это? – не сразу сообразив, переспросил Евгений.

– Ну, что-то вроде автореферата на тему: «Добытчики чёрного золота Цареградские». Есть же у вас там музеи, пожилые люди – ветераны нефтедобычи.

Студент мой в нерешительности молчит.

– При зачёте эта ваша работа забыта не будет. Идёт? Страниц на пятнадцать?

– Но сессия кончается, я надолго уеду.

– Ничего, через полгода привезёте! Очередная сессия от нас никуда не денется. Верно? Такая порода людей. О них должны знать! Понимаете? – настаивал я. Мой студент понял.

– А можно прислать по электронной почте? – спохватился собеседник.

– А почему нет? – отвечаю. – Только материал должен быть проверенным, надёжным.

* * *

Когда Евгений улетал, я дал ему несколько книжек об освоении Колымы, с обязательством, что он мне их вернёт с материалом о буровиках Сургута.

Он принял условие. У меня, кажется, появился, кроме Жамилы и её единомышленников, помощник в Сургуте.

Стране нужны созидатели

Выбрал время и прошёлся по этажам главного корпуса нашего университета. Постоял у стендов, посвящённых выдающимся выпускникам. Добрался до солидного тома «Знаменитые выпускники Самарского государственного технического университета», 1914–2014 годы.

Как много замечательных людей! Какие имена, и какие разные дарования! Взять хотя бы некоторых из них: Председатель Совета Министров В.С. Черномырдин; зам. министра энергетики СССР Г.А. Шашарин; Б.В. Гидаспов – член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Госпремии СССР; чемпион СССР по шахматам, международный гроссмейстер Л.А. Полугаевский; М.А. Губский – певец, солист Самарского академического театра оперы и балета, с 2001 года – солист Большого театра России, Заслуженный артист России.

Долго я не закрывал книгу. Столько достойных биографий, судеб отражено в небольших текстах, сопровождающих фотографии выпускников. Хотелось найти всё больше и больше знакомых и незнакомых лиц и имён. Искал, конечно, я Цареградских! Но их не было. Я всегда ценил то, что окончил Куйбышевский (Самарский) Политех, но теперь, когда прочёл эту книгу, я горжусь им!

– Где трудятся его выпускники? Это важно знать! Но их десятки тысяч, разве уследишь. Замечательно, что к 100-летию ВУЗа у главного его корпуса поставили памятник инженеру.

...Увы, и в другой раз, в других группах студентов, среди будущих нефтяников, механиков, нефтехимиков не оказалось знающих что-либо о замечательных выпускниках Цареградских.

«Ничего, – говорил я себе, – не в первый раз такое. Ведь на мои вопросы: «Кто такой Гарин-Михайловский? Что они знают о селе Гундоровке? Что знают о другом нашем земляке, известном писателе, который написал сказку «Аленький цветочек»?» – студенты отвечают чаще всего, только заглянув в компьютеры».

Подумал: вина здесь не столько их. Корни её в нас, во взрослых, больше всего. Они дети перестроечных 90-х годов. Занятые выживанием, мы не дали им того, что надо было. Сумятица в жизни, сумятица в школьных программах... «Мы в школе это не проходили», – такой ответ звучит часто. А не «проходили» – значит, какой спрос? «Чего не знаем, того не любим».

...Скажу уже не единожды произнесённое до меня. Стране сейчас необходимы созидатели. Во всех сферах нашей жизни. Такие как В. Цареградский, И.М. Губкин, В.Г. Шухов, Н.К. Байбаков, В.И. Муравленко и другие. Инженеры своими талантами всегда крепили основы нашей страны. России нужны люди, объединяющие свой народ. И их мы должны знать!

* * *

Верю, что результаты поисков учёных, музейных работников, объединённых желанием создать Фонд, эти мои записки дойдут до учащихся, студентов, людей, начинающих свою трудовую биографию, будь то в тихих офисах, институтских лабораториях или на шумных заводах и стройках. Дойдут и тронут душу.

Село Никольское-на-Черемшане

Формирование В.А. Цареградского – человека и учёного можно проследить, знакомясь с жизнью его предков, семьи, окружения. Обратимся к истории Самарско-Симбирского Поволжья, к истории жизни провинциального духовенства. Теперь, когда появилась некоторая информация о выдающемся геологе, на его родине, в селе Никольское-на-Черемшане, решено увековечить имя Михаила Мартыновича Некрасова и его внука В.А. Цареградского.

* * *

Михаил Мартынович Некрасов – личность в истории села Никольское-на-Черемшане легендарная. Он учительствовал в земской школе села более 30 лет. Уважаемый педагог, директор школы, под его руководством было построено школьное здание. Оно прослужило более 100 лет! По инициативе Некрасова в Никольском открылась народная библиотека. К 1912 году в библиотеке было уже 600 книг.

Женат Михаил Мартынович был на дочери мещанина г. Су-доки Курской губернии Ольге Гавриловне Гушиной, окончившей курс в Ивановском образцовом училище в 1874 году. В Никольском помощницей учителя с 1906 года была и его дочь Мария Михайловна (по мужу Цареградская). В это время её муж Александр Михайлович Цареградский учился на юридическом факультете Казанского университета. У них уже было четверо детей: дочь Галина (1900 г.р.), сын Валентин (1902 г.р.), сын Александр (1903 г.р.) и дочь Татьяна (1906 г.р.). Когда Михаил Мартынович умер, похоронили его на Никольском кладбище. На могиле за счёт сельской общины установили большую мраморную плиту. Сейчас этого села нет. Оно оказалось на дне Куйбышевского водохранилища. Жители переселились на новое место. И здание школы перенесли с собой. Но оно не уцелело. Сгорело в 2000 году. А вот память о Михаиле Некрасове жива в сердцах жителей села. Имя же его внука Валентина Цареградского в силу определённых обстоятельств оказалось вычеркнутым из его истории. Затоплено, как село, в котором он родился.

Каким же было поселение, давшее державе учёного, государственного деятеля и ушедшее на «дно морское»? Какими были его жители?

Теперь с помощью архивных исследований, находок краеведов (С.Б. Семёнычев и другие) можно попытаться воссоздать более-менее целостную картину раннего периода жизни учёного. Перенесённое в связи со строительством водохранилища в бассейне реки Волги на другой берег реки Черемшан, Никольское продолжало жить.

Изменились административные границы Куйбышевской (теперь Самарской) области. Район и село вошли в состав Ульяновской области.

* * *

Поселенье Никольское, возникшее в начале XVIII века как укрепленный пункт на Закамской засечной линии, получило название по бывшей здесь Никольской церкви. Входило в состав Черемшанской волости. Первым владельцем его был сподвижник Петра I князь Александр Данилович Меншиков.

Ещё с конца XVIII века Никольское было известно всей России его главными богатствами – черемшанской рыбой и огромным фруктовым садом, который основал владелец села граф Николай Алексеевич Дурасов. Это нашло отражение в воспоминаниях Сергея Тимофеевича

Аксакова («Детские годы Багрова-внука») и Владимира Александровича Соллогуба («Воспоминание»).

В 1773–1774 годах село временно было опорным пунктом повстанческой армии Е.И. Пугачёва. В конце XVIII – начале XIX века это – один из центров усадебной культуры. Тут прошли детские годы писателя Д.В. Григоровича. С 1900 года Никольским имением владел мелекесский купец первой гильдии, посадский голова Константин Григорьевич Марков. В 1910 году в селе – 680 дворов, 3 086 жителей, церковь, земская школа, ярмарка, овчинное заведение, винокуренный и кирпичный заводы, водяная и паровая мельницы, библиотека-читальня, земская больница, военно-конное училище, отделение крестьянского поземельного банка.

В связи с созданием Куйбышевского водохранилища село перенесли на новое место, но рыба и яблоки остались его «визитной карточкой». Славился в селе крупнейший в Ульяновской области рыболовецкой колхоз «За Родину». С 2011 года Никольское-на-Черемшане носит официальный статус плодово-ягодной столицы области.

Когда пришло время, Валентин поступил учиться во вновь построенную Никольскую начальную трёхлетнюю школу, которой заведовал его дед. В ней было три класса для занятий, учительская, вестибюль и помещение для сторожа. Бабушка Вали Цареградского работала в этой же школе учителем.

Вот что пишет краевед С.Б. Семёнычев: «Село стало крупным по тем временам населённым пунктом. Жители Никольского гордились тем, что именно в Никольском появился один из первых в Поволжье крепостных театров графа Дурасова. В селе неоднократно бывал писатель Владимир Соллогуб, семья которого владела Никольским более 60 лет. Здесь родился известный писатель – Дмитрий Григорович. Его тётя Камилла Ледантю, также часто посещавшая Никольское, в своё время отправилась вслед за декабристом Ивашёвым в Сибирь...

...Дореволюционные фотографии Никольского хорошо показывают, насколько интересным было село в архитектурном плане. Как и во всех сёлах того времени, основными достопримечательностями были барский дом и церковь. Барский дом не отличался особой изысканностью, был вполне стандартным, но благодаря заботам владельцев, особенно семьи Дурасовых, он приобрёл интересные дополнения и поражал людей, впервые его увидевших».

С этим селом связано имя Сергея Тимофеевича Аксакова. В книге «Детские годы Багрова-внука» он пишет о своих впечатлениях:

«Каменный двухэтажный дом, соединяющийся сквозными колоннадами с флигелями, составлял одну сторону четырёхугольного двора с круглыми башнями по углам. Все надворные строения служили как бы стенами этому двору; бесконечный старый сад, с прудами и речкою, примыкал к нему с одного бока; главный фасад дома выходил на реку Черемшан. Я ничего подобного не видывал, а потому был очень поражён и сейчас приложил к действительности жившие в моей памяти описания рыцарских замков или загородных дворцов английских лордов, читанные мною в книгах. Любопытство моё возбудилось, воображение разыгралось, и я начал уже на всё смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного. Мы въехали на широкий четверугольный двор, посреди которого был устроен мраморный фонтан и солнечные часы: они были окружены широкими красивыми цветниками с песчаными дорожками. Великолепное крыльцо с фонарями, вазами и статуями и ещё великолепнейшая лестница, посередине устланная коврами, обставленная оранжерейнными деревьями и цветами, превзошли мои ожидания, и я из дворца английского лорда перелетел в очаровательный замок Шехеразады».

С.Б. Семёнычев рассказывает, что, кроме того, владельцы имения в барском доме собрали большую коллекцию картин и скульптур, огромную библиотеку с ценными книгами. Когда Валентин Цареградский жил в Никольском, дом принадлежал купцу первой гильдии, посадскому голове Мелекесса Константину Маркову, известному благотворителю. Управлял имением его сын Фёдор, постоянно проживающий в Никольском. Фёдор и его супруга Екатерина Чехрайская поддерживали с местными жителями добрые отношения, и они запросто

посещали их дом. Бывал здесь со своими родственниками и Валя Цареградский. Увиденные произведения искусства не могли не произвести на него благотворное впечатление. Возможно, что, рассматривая в барском доме полотна великих мастеров, он впервые испытал желание рисовать.

Никольская церковь была построена в 1791 году на средства Николая Дурасова. Возможно, автор проекта – известный архитектор, ученик В.И. Баженова и М.Ф. Казакова Иван Еготов, долгое время сотрудничавший с Дурасовым. Это он спроектировал дворец помещика в московском районе Люблино. Необычными были иконостас храма и роспись по штукатурке, деревянные иконы, иконы на тканевой (льняной) основе. В этой церкви Валентина Цареградского крестили. Очевидно, бывал в ней потом неоднократно. Внешняя и внутренняя красота церкви оказали несомненное влияние на его эстетический вкус.

С 1861 года село Никольское – центр Черемшанской волости. В нём построили волостное правление, больницу, полицейский участок и т. д. Открылись две школы: земско-общественная и церковно-приходская. Эти здания были образцами деревянного зодчества. Особой красотой отличались резные наличники на окнах. Дом, в котором жил Валентин Цареградский со своими родственниками, также был по-своему красив...

В книге «По экрану памяти» он вспоминает: «В детстве я со своими сверстниками «путешествовал» по окрестностям нашего села, располагавшегося на берегу большого притока Волги – реки Черемшан. Эти походы совершались в окружающие село леса, луга, на близкие холмы, древние террасы реки. Иногда на лодке мы поднимались вверх по реке, по её притокам и старицам или большим озёрам, куда лодка перетаскивалась волоком. Но чаще всего в эти походы я отправлялся с моим дедом, заведующим сельской школой, или со школьным сторожем. Оба они были страстными рыболовами, охотниками и грибниками».

С.Б. Семёнычев отмечает: «В семье деда сложилась благоприятная обстановка для воспитания детей. Их окружали забота, ласка и внимание. В этом особая заслуга жены Михаила Мартыновича, Ольги Гавриловны Гущиной. Отец и мать Валентина бывали в Никольском наездами, именно дедушка с бабушкой оказали наибольшее влияние на формирование будущего «первооткрывателя золота Колымы».

С особой теплотой говорил потом В. Цареградский о школьном стороже Иване Васильевиче Медвежонкове: «Мордвин по национальности, Медвежонков обладал не только своеобразно красивым лицом и крепким телосложением, но и достаточно высокими нравственными устоями и не довольствовался лишь хлебом насущным. Он самостоятельно выучился бегло читать и писать и вообще от природы был одарённым человеком. Много длинных зимних вечеров провели мы с ним, сидя перед раскрытой дверцей одной из топящихся печей школы, как перед костром. Всматриваясь в причудливо танцующее пламя, я, затаив дыхание, часами слушал увлекательные рассказы Ивана Васильевича о его поездках на Урал, Украину, в Среднюю Азию, на Кавказ и по Волге в поисках счастья и работы по душе. Немало легенд, старинных преданий, удивительных историй знал он также. И для меня эти встречи с Медвежонковым не прошли бесследно. Уже в девяти-двенадцатилетнем возрасте я мечтал о путешествиях в далёкие неведомые края. Хотелось скорее вырасти, многому научиться, испытать на себе трудности, чтобы суметь преодолеть их, стать мужественным, выносливым, как герои Джека Лондона, моего любимого тогда писателя».

Цареградский оказался значительнее книжных героев. И во взрослой жизни вершил он огромное государственное дело... С.Б. Семёнычев называет ещё одного интересного человека, с которым Валя Цареградский общался в Никольском. Это Аким Яковлевич Сафонов, который несколько десятилетий являлся сельским старостой и по роду своей деятельности был связан с директором школы Михаилом Некрасовым. Аким Яковлевич пользовался заслуженно большим авторитетом среди земляков. Его постоянно переизбирали на новый срок. Улицу, на которой он жил, называли его именем. Так на плане села и написали: «Улица Сафонова».

В селе Кондаковка

Замечательным было и село Кондаковка, находившееся в 7 километрах от Никольского. В нём жили родственники Цареградского по отцовской линии. Дед Валентина Александровича Цареградского, Михаил Дмитриевич Цареградский служил настоятелем местной церкви, строительство которой во многом являлось его заслугой. Когда сын Александр, отец будущего геолога, решил отказаться от сана и поступить на юридический факультет Казанского университета, то он не стал его отговаривать, хотя и понимал, что церковное начальство этого не одобрит.

В Кондаковке Валентин Цареградский общался с самобытными людьми. Среди жителей были свои писатели. Известный писатель – волжанин, автор повести «Ташкент – город хлебный» А. Неверов вспоминал: «Живя в Мелекессе, я тоже писал стихи в уголке за печкой. Я разыскал сочинителя (поэт-самоучка крестьянин Денисов из села Кондаковки), раскрыл перед ним тоскующую непонятую душу, показал свои стихи и, к огорчению своему, получил ответ: «Надо учиться, знать размер, ударения».

Крестьянин, разбиравшийся в стихотворных размерах и ударениях, печатавшийся в столичных изданиях. Такое не часто бывает».

Упоминание о Кондаковке есть в переписке великого русского писателя Льва Толстого! Кондаковский сельский учитель Иван Филиппович Тимонов писал статьи по сельскому хозяйству. В декабре 1897 года он сочинил художественное произведение и отправил на рецензию Льву Николаевичу. Толстой ответил: «Я получил ваше письмо и рукопись. Переделка ваша Робинзона мне очень понравилась. Советую вам окончить её, если она ещё не кончена, и прислать её Ивану Ивановичу Горбунову. Я ему говорил про вас, и он рад будет напечатать эту очень хорошую книгу, если вся переделка будет так выдержана». (С.Б. Семёнычев).

* * *

Михаил Дмитриевич Цареградский¹ оставил свой след в истории Кондаковки.

Он родился в 1848 году в селе Загарино. После Самарской духовной семинарии работал учителем в земской школе села Белый Яр Ставропольского уезда, затем был рукоположен в священники. Более 40 лет он служил при Казанско-Богородицкой церкви села Кондаковка Ставропольского уезда.

Михаил Цареградский часто поощрялся начальством: в 1877 году ему была изъявлена благодарность «за усердное проповедание слова Божия», в 1880-м награждён набедренником за отличную службу, 1891 – фиолетовой скуфьёй, в 1896-м – фиолетовой камиллавкой, в 1900 году получил благословение от Святейшего Синода «за отлично усердную и полезную деятельность в деле народного образования» и в 1901-м награждён напёрстным крестом от Синода. В 1874–1880, 1888 и 1903–1904 годах он катехизатор, в 1878–1879 – занимал должность законоучителя земской школы с. Хрящёвка Ставропольского уезда, в 1880–1883 годах – помощник благочинного, в 1883–1886 годах был благочинным, с 1885 года состоял законоучителем земской школы Кондаковки, а с 1894-го – заведующим и законоучителем церковно-приходской школы.

...Когда сгорел Казанско-Богородский храм, в течение основного периода возведения новой церкви священником был Михаил Цареградский.

¹ Изучением родословной Цареградских активно в настоящее время начала заниматься самарский историк Татьяна Юрьевна Конякина.

Церковь полностью была готова к освящению в 1887 году. 30 мая 1889 года местный благочинный священник Хрящёвки Леонтий Аттиков освятил Казанско-Богородицкий храм.

Кондаковцы много усилий и труда приложили для сооружения и освящения церкви, сохранившейся до 1933 года. Потом её закрыли, разобрали и нижнюю часть перевезли в Кротово-Городище для постройки начальной школы. Но и здесь останки её настигла волна, не огневая – водяная...

В первой половине 1950 года перед созданием Куйбышевского водохранилища здание перенесли в новое село Никольское. До нашего времени оно не сохранилось.

Воистину к месту слова: «Наше будущее в деяниях наших».

Наши предки умели созидать! Но «нелёгкая им досталась доля»...

И села Кондаковки не стало. Затопили и её воды искусственного моря. Жители большей частью перебрались в село Александровка. Там образовалась целая улица – Полевая. Остальных кондаковцев и их потомков разбросало по всей стране.

Тонкие нити

Примечательный факт нашего времени: казалось бы, совсем ещё недавно непозволительно было в открытую интересоваться своей родословной. Знали мы часто своих предков не далее как до дедушек и бабушек. И то не все. Вихри «былых времён» заслоняли их от нас.

В корнях родового древа Цареградских – священники и церковнослужители. Гонимое совсем недавно сословие.

...Я с интересом читаю в прессе материалы о новых именах, появляющихся в результате поисков моих земляков, соотечественников. Обнаруживаются порой такие неожиданные факты. Это пока тонкие нити, связующие разные поколения? Но они постепенно крепнут!.. Нынешние поколения не желают быть безродными.

...Восхищает жизненная всеохватность родового древа Цареградских: от дьячка, священников, церковнослужителей до геологов-первопроходцев, до участия в создании атомной бомбы, работ для космоса (Валентин Цареградский), до династии нефтяников Цареградских (Юрий, Олег, Валентин). Корни – и крона! О кроне чуть позже. Эти мои документальные записки не претендуют на широкое освещение избранной темы. Круг деятельности Цареградских так обширен, жизненные их связи так интересны, что изучение требует большого исследовательского труда. Сейчас важно хотя бы наметить его направления, последовательно соединить в одно целое периоды и сферы жизни Цареградских и их окружения в разных частях страны. Это не было ранее сделано, отчасти и в силу «закрытости» деятельности Валентина Александровича Цареградского.

* * *

У Михаила Дмитриевича Цареградского было две дочери и два сына, старший Александр, который родился 9 апреля 1878 года в с. Бокля Бугурусланского уезда. В 1899 году Александр, будущий отец геолога, женится на дочери псаломщика, учителя земской школы Михаила Некрасова – Марии Михайловне.

С 1900 по 1905 год он, как и его отец, служил в церкви, затем поступил на юридический факультет Казанского университета.

Во время учёбы давал частные уроки, чтобы платить за обучение и кормить семью. В Никольском-на-Черемшане он бывал нечасто. Окончив университет, А.М. Цареградский получил назначение на должность чиновника в землеустроительной комиссии г. Казани. Тогда полагалось проживание по месту службы. Было решено Валентина и Александра оставить для дальнейшего воспитания в доме деда по линии матери, Михаила Некрасова, в селе Никольском-на-Черемшане. Они учились в Никольской начальной трёхлетней земской школе, с 1912 года продолжали своё образование в Ставрополе-на-Волге (с 1964 г. – Тольятти), в реальном училище, которое после 1917 года преобразовали в Единую Трудовую школу второй степени.

На каникулы они возвращались в родное село. Отец их бабушки Ольги Гавриловны Некрасовой (урождённой Гущиной) построил в селе большой и красивый дом. В нём все они жили. Бесхитростные и тёплые воспоминания об этом времени оставил брат Валентина, Александр. Стихи датированы апрелем 1968 г. Он пишет о своих двух сёстрах и брате:

*Четвёркою дружною мы подрастали,
В каникулы бабке готовя дрова.
Травы косили мы, сёстры сгребали,
И сорняки в огороде пололи тогда.
Вечерами гуляли в лесу за рекой,*

*Азартно играли в пятнашки, лапту,
Костры разжигали с ночной темнотой.
Пели песни, домой возвращаясь к утру.
А бывало, со сторожем школьным
На выводок уток с собакой ходили.
С дедовым старым ружьишком дуствольным.
Мы сами заряды к нему мастерили.*

В 1921 году Валентин становится студентом Петроградского горного института. Брат Александр – красноармеец. Служил он в Бобруйске.

В селе Никольском-на-Черемшане часто жила потом с маленькими детьми жена Валентина Катерина. С ней приезжала на лето из города на Неве её сестра и подруга. В обеих сестёр он мило влюблялся, посвящал им свои стихи.

В начале 30-х годов младший из братьев Александр учится в Ульяновском гидромелиоративном техникуме. Он станет гидротехником-изыскателем и долго потом с семьёй будет жить в Самаре.

Проработав более 30 лет в институте «Средволгогипроводхоз», Александр Александрович заслужил за труды по развитию орошения, прудостроения и сельскохозяйственного водоснабжения в Поволжье всеобщее уважения. В одном из приветствий в его адрес, кроме прочего, говорится: «...мы уважаем Вас и за то, что Вы вместе с женой Евгенией Александровной вырастили и воспитали хороших сыновей, прославившихся в нефтяной промышленности».

Сёстры Цареградские

Младшая сестра В.А. Цареградского, Татьяна, родилась в 1906 году в селе Лебяжье Ставропольского уезда. Там же окончила школу.

В пятнадцатилетнем возрасте Татьяна оказалась свидетелем стихийного бедствия – засухи и массовой гибели людей от голода. Это послужило толчком к выбору профессии, которая помогала бы людям преодолевать подобные бедствия. Татьяна Александровна поступила в Казанский сельскохозяйственный институт. Окончив его, получила в 1931 году назначение в Узбекскую ССР на должность участкового агронома МТС. Но тут она заболела тяжёлой формой малярии и вынуждена была покинуть Узбекистан. Работала на опытных станциях в Ульяновске, Самарском округе, Курской области. С 1937 по 1940 гг. Татьяна Александровна – научный сотрудник кафедры растениеводства Темирязовской сельскохозяйственной академии в Москве. Работала под руководством известного учёного И.В. Якушкина, специалиста в сфере селекции растений. Работа в лаборатории оказалась не по душе. Манили просторы полей, где можно было приложить свои знания на земле. В 1940 году она уже в Забайкалье, где в течение шести лет последовательно возглавляла работу на Шилкинском и Акшинском госсортоучастках.

В распоряжении Татьяны Александровны Цареградской были коллектив работников, земля, лаборатория, техника и множество сортов злаковых культур из разных регионов Советского Союза и из-за рубежа. Татьяна Александровна работала с увлечением. В 1948 году с переходом на Сретенскую селекционную станцию, где стала заведующей группой пшеницы и проса, она получила возможность заняться выведением сорта пшеницы, которая при высокой урожайности отвечала бы климатическим особенностям Забайкалья. На это ушло пять лет. Шесть лет заняли испытания, которые показали высокую урожайность выведенного сорта «Читинская-1». Завершили эту её работу А.И. Халтурина, Н.П. Зырянова и Ю.Н. Баранова. В 1970 г. после районирования началось победное шествие нового сорта по забайкальским полям. Т.А. Цареградская написала две брошюры: «Просо в Забайкалье» и «Гранулированные удобрения», изданные в Чите (1952, 1956 гг.).

Старшая сестра Галина (1900 г. р.), окончив Ленинградский инженерно-строительный институт, стала строителем. Последнее время жила в Москве в Новых Черёмушках. Её муж Николай Николаевич Кулигин в это время работал главным инженером в Академии наук. У них был сын Игорь. Сейчас его нет в живых. Известно, что от трёх браков у него осталось четверо детей.

Об отце и матери известного теперь геолога в послереволюционный период известно мало.

В 1917 году А.М. Цареградский был мировым судьёй, а с 1919 по 1921 годы – секретарём завкома при Никольской государственной мельнице. В 1922 году – в АРА (Американская администрация помощи) в Мелекессе, в 1923–1924 гг. – в Ульяновском губфзо, затем – делопроизводитель в губторге, кассир на Никольском винокуренном заводе. С 1930 года служил счетоводом на текстильной фабрике в Казани. С 1933 г. жил у сына Валентина в Москве. Жизнь Александра Михайловича оборвалась трагически. Он был арестован 23 июля 1937 г. за причастность якобы к нелегальной контрреволюционной эсеровской организации села Никольское-на-Черемшане. Осуждён 20 августа 1937 года тройкой при УНКВД по Куйбышевской области. Обвинён по ст. 58-8, 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Расстрелян в Куйбышеве. Реабилитирован 1 марта 1957 года.

Жена его (мать В.А. Цареградского) Мария Михайловна после Октябрьской революции заведовала детским садом, была инструктором дошкольного воспитания, заведующей районной школой. Умерла в 1946 году.

Таковы судьбы сёл Никольское-на-Черемшане, Кондаковки и её жителей.

* * *

...Как мы, местные студенты, в шестидесятых годах восхищались вместе с куйбышевским поэтом Николаем Жоголевым!

Морской свежак на Жигулёвском море —
Свежак не черноморскому чета.

Поэт горделиво заявил за всех нас, грешных, о победе над Волгой:

*Но как ни была бы могуча
Стихия, В наш сказочный,
Атомом движимый век,
В дела воплощая
Мечты вековые, —
Сильнее её человек!*

Перегородили реку десятком плотин.

...И река понурилась. Замедлила свой бег. А рождена была, чтобы течь вольно!..

Цену содеянному осознали мы гораздо позже, когда на дне оказались огромные просторы пахотных земель, сёла и деревни. Со школами и церквями, с частью нашей общей жизни. Неоглядные дали отеческой земли покрыла непомерная толща стоячей воды. Покорённая Волга стала водохранилищем с зацветающей в иной год подневольной водой...

...И наша общая жизнь без памяти о прошлом – как река, лишённая данного ей природой движения, рискует превратиться в озеро, а потом, когда родники, подпитывающие её, начнут заиливаться, и вовсе потерять себя.

Мой помощник из Сургута

Евгений Васильевич оказался неравнодушным парнем. Он прислал мне по интернету интересную информацию о нефтяниках Цареградских, а приехав на весеннюю сессию, привёз фотографию Юрия Цареградского и Виктора Ивановича Муравленко – начальника «Главтюмненнефтегаза» в момент посещения одной из буровых установок. Но не это меня так тронуло, другое.

– А вы читали «Колымские рассказы» Варлама Шаламова? – спросил он.

Я невольно вздрогнул: он ткнул пальцем в больное.

– Да, – отвечаю, – читал, ещё студентом, и стихи его читал. А почему спрашиваете?

– Перечитайте теперь. Такие жертвы...

Стали бы молодые геологи-романтики открывать золотую Колыму, зная, что там потом будет? Золото столько сгубило.

– Науку не остановить, открытия – тоже. Не они, так другие бы устремились в Сибирь! Может, только чуть позже. Это закономерно, – отвечал я.

Евгений не торопился соглашаться:

– Мне после рассказов Шаламова стало неинтересно заниматься Колымой. Страшные страницы истории.

– Вам неинтересно, а вот вице-президенту США Генри Уоллесу – было важно и интересно, – реагировал я.

– Я не понял?

– Генри Уоллес прилетал на Колыму, направляясь на плановую встречу с Чан Кайши.

– С какой целью?

– С известной. В период открытия Второго фронта американцам важно было знать о платежеспособности СССР перед союзниками. Вопрос доверия. В том числе в рамках действующего с ними соглашения о ленд-лизе. Сможем ли мы расплачиваться с ними за закупку оборудования и прочее? О загадочной, таинственной Колыме, где добывалось золото, говорилось много за рубежом. Но надо было видеть.

– И что же?

– Почитайте доклад начальника Дальстроя Никишова Берии об этом визите, узнаете.

– Он у вас есть, этот доклад? А Дальстрой? Что это?

– Доклад напечатан в книге «Золотой слиток Победы». Это сборник материалов о работе Дальстроя в период с 1941-го по 1945 год. Там есть и фотографии, и воспоминания очевидцев этого визита. Узнаете заодно, что такое трест «Дальстрой».

– Что бы учёные ни открыли, ни изобрели – всё равно в итоге получается оружие уничтожения, – тянул Евгений.

– Вы не первый так говорите. По-вашему, лучше жить в пещере?

Наступила пауза. Евгений, очевидно, ждал, что я предложу ему книгу. Но у меня её с собой не было, это первое. А во-вторых, хотелось проверить, будет ли он самостоятельно искать её. Насколько он любознателен и готов независимо мыслить до конца?

* * *

Вскоре он доложил, что нашёл книгу. И пообещал мне снять с неё копию.

Встреча в школе

В начале мая в самарской школе № 81 встречался с четвероклассниками. Помня моё обещание, они пригласили рассказать о том, как я с друзьями проплыл около 600 километров на одноместных резиновых лодках от истока реки Самары до города. Затаив дыхание, слушали ребята рассказ о судьбе реки, давшей название и городу, и области.

Вопросов после выступления, да и во время него, было много. Четыре класса, более ста учащихся! Я не видел ни одного равнодушного лица.

– Как писалась книга «В плену светоносном» о путешествии, длившемся 23 дня?

– Что видели ещё в пути? Рыбачили или нет?

– Говорят, что где-то на реке есть водохранилище размером в четыре километра шириной и пять длиной, правда это? Что за птица козодой? А пустельга?

– Что ели?

Лес поднятых рук!

Вопросы... вопросы...

Полтора часа удивительного общения.

Когда же я сказал, что у меня копится материал о путешественниках, которые на Колыме искали и нашли золото, тут же последовала дружная просьба на следующей встрече рассказать и об этом.

Остудили наш общий пыл учителя:

– Учебный год заканчивается. Надо всем отдыхать! Вот в сентябре-октябре – пожалуйста!

На том и договорились, взяв с меня обещание непременно прибыть в школу.

* * *

Уже сентябрь. Учебный год начался. Надо быть готовым к разговору. А я ещё не насытился знаниями, которые мне теперь открываются...

Глава 2

На подступах к делу всей жизни

Годы студенческие

Из всех знаменитых первооткрывателей Колымы Цареградский и Билибин более всего притягивают внимание. Похожие во многом, они были каждый по-своему яркими личностями. Это отмечали многие из тех, кто знал их лично. О них писали. О Билибине больше, чем о В.А. Цареградском.

До недавних лет о Валентине Александровиче Цареградском говорили чаще в связи с исследованиями на Колыме и руководством геолого-разведочным управлением Дальстроя.

Сегодня круг изучения расширился до раннего периода жизни известного горного инженера. Мы знаем теперь, как В.А. Цареградский, с самого начала своей жизни тянувшийся к природе, к познанию окружающего мира, закономерно оказался студентом Петроградского горного института. Сбылась мальчишеская мечта. Как тут не вспомнить добрым словом мудрого его наставника в детстве, школьного сторожа из села Никольское Ивана Васильевича Медвежонкова, посоветовавшего поступать в Петроградский Горный институт.

...После занятий в селе Никольское-на-Черемшане Валентину предстояло учиться с 1912 года в бывшем реальном училище г. Ставрополя-на-Волге. Учился В.А. Цареградский легко. Без труда давались физика, математика. В это же время у него обнаружились способности к рисованию, что было отмечено окружающими. Он даже в кружке обучал сокурсников технике рисунка. Много лет спустя он вернётся к своему увлечению и оставит нам замечательные рисунки, сделанные в геолого-разведочных экспедициях.

Получив среднее образование, в 1920-21 годах В. Цареградский учится на первом курсе физико-математического факультета Самарского государственного университета. В апреле 1921 года пишет заявление с просьбой допустить к приёмному испытанию на нулевой триместр в Петроградский горный институт. Мечта стать геологом не отпущала².

Добираться с Волги до Петрограда пришлось сначала пароходом по реке до Рыбинска, потом по железной дороге. Конкурс в институт оказался большим: двадцать человек на место. В канцелярии вначале отказали, но настойчивость и упорство Валентина взяли верх. Он был допущен к экзаменам. И выдержал их блестяще. После учёбы на подготовительном нулевом семестре, в 1921 г., его зачисляют на первый курс геолого-разведочного факультета института. Из трёх отделений факультета: палеонтологического, разведочного и петрографического – он выбирает палеонтологическое, где изучались биология, зоология, ботаника, палеонтология и палеобиология. Изучение древних, давно исчезнувших животных обещало много из того, что так важно в молодости и заманчиво, – неизведанного и нового.

Поступление на нулевой триместр потребовало целого ряда документов. Кроме удостоверения и заявления, в которых приводились основные биографические сведения абитуриента (дата и место рождения, место жительства, полученное ранее образование), в канцелярии по студенческим делам необходимы были справка, подписанная управляющим делами Петроградского комитета профессионального образования, отзыв и рекомендация двух лиц – членов

² К изучению студенческого периода жизни В. Цареградского в Петрограде подключился профессор Самарского государственного института культуры М.В. Курмаев. Стали дополнительно известны некоторые эпизоды из жизни студента Горного института, которые приводятся далее.

партии, знавших Цареградского со школьной скамьи. Виктор Клопов и Александр Пудовкин состояли в Ставропольской уездной организации РКП. Они и дали рекомендации.

Во время учёбы В.А. Цареградский несколько раз ездил домой и в другие регионы страны. Каждый раз он подавал заявление на имя инспектора института, в котором указывал цель, адрес, сроки поездки. Заявление визировал заведующий факультетской канцелярией. Следовало сдать ликвидационный лист – аналог современного обходного листа. Цареградский посещал заведующих учебной библиотекой, химической лабораторией и геологическим кружком, библиотекой имени И.В. Мушкетова и факультетской канцелярией, собирал подписи, подтверждавшие отсутствие у него каких-либо задолженностей. Состав списка менялся. Так, в 1925 году он расширился до 11 пунктов за счёт столовой и буфета, кассы взаимопомощи, экспертно-ссудной кассы, общежития и лавочки профкома. На старших курсах в нём фигурировали лаборатории и кружки. Сбор подписей занимал много времени.

По истечении срока действия увольнительного билета студенту следовало срочно прийти в институт. Билет имел примечание следующего содержания: «Ввиду учёта и регистрации студентов Петрогр. горного ин-та Горным Советом и обязательных занятий возвращение к указанному в отпускном свидетельстве сроку является безусловно обязательным, вследствие чего Петр. горный ин-т просит надлежащие власти оказать содействие к своевременному возвращению студента и направить его к месту обучения. За студентом имущества от Ин-та не числится». Такой билет давал право на бесплатный проезд и провоз шести пудов багажа. Цареградский получал увольнение в отпуск девять раз. 23 августа 1921 года сразу после сдачи вступительных экзаменов он уехал на месяц домой, в село. Второй раз он приезжал в Никольское-на-Черемшане в период весенних каникул – с 10 по 25 апреля 1922 года.

Для прохождения практики полагалось удостоверение. Летнюю геодезическую практику ему разрешили пройти в Никольском при условии предоставления отчёта о проведённых работах. Удостоверение, подписанное деканом геолого-разведочного факультета 8 июля 1922 года, давало право на отпуск сроком не более одного месяца. В августе В.А. Цареградский заболел. У него открылась малярия в тяжёлой форме, после которой он страдал малокровием и упадком сил. Год спустя ситуация повторилась. Он попал в Никольскую больницу непосредственно перед возвращением в Петроград – 10 сентября 1923 года. Находился на амбулаторном лечении 16 дней, поэтому часть занятий пропустил. Голодные и холодные годы. Выдававшийся паёк состоял из 400 граммов хлеба с примесью опилок и нескольких селёдок в месяц. Чтобы как-то продержаться, Валентин в свободное от учёбы время работал в артели портовых грузчиков на разгрузке рельсов, где платили продуктами.

На втором курсе Цареградский подрабатывал уже составлением карт и чертежей. Жил вместе со студентом инженерного института на съёмной квартире, у дяди своей будущей жены Екатерины Ивановны Серпуховой. Они поженились, когда ей было 17, ему – 20 лет. Как и отец, в студенческие годы Валентин самостоятельно содержал семью: в 1925 году у него родилась старшая дочь Вероника, в 1927-м – младшая – Ирина. Связь Цареградского с Серпуховыми сохранится на долгие годы. Будет она непростой и порой драматичной...

О Серпуховых можно написать большой исторический роман: настолько в жизни этой семьи многогранно отразился образ жизни людей, связанных с геологией молодой Республики Советов, проявился сам дух того времени.

Передо мной рукопись воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой, хорошо знавшей и Билибина, и Цареградского. Они люди одного поколения, одного круга общения. Она сестра Екатерины Серпуховой, жены Валентина Александровича Цареградского и сестра геолога Владимира Ивановича Серпухова.

В.И. Серпухов станет известным исследователем Чукотки, Дальнего Востока. В памяти Нины Ивановны сохранилось много и забавных, и драматических событий начала XX века. Другой замечательный брат Юрий Серпухов, как и большая часть, о ком она пишет, – геолог,

спасёт в тайге от верной гибели выдающегося нашего отечественного учёного – академика С.С. Смирнова. Но об этом чуть позже и в соответствующем месте повествования.

* * *

Самарский край удивительным образом соединяет в себе многие и многие судьбы. В своё время, если говорить о геологах, он приютил семью Билибиных, молодого Валентина Цареградского в начале его студенческих лет. На всю жизнь – младшего брата Цареградского Александра.

Трудовой подвиг Самары (Куйбышева) во время войны велик! И завершился он с помощью всей страны. Ещё в студенческие годы сложилось у меня стихотворение о Самаре. Многое городу довелось пережить в военные, послевоенные и в перестроечные годы. Но стоит Самара! И своего статуса не потеряла! Она достойно занимает своё место в доблестном треугольнике: Москва – Ленинград – Самара! Крепкая конструкция – этот треугольник!

Святой старец Алексей недаром
Напророчил в лихие года,
Что быть городу в устье Самары
И стоять ему здесь навсегда.

Много дней и воды убежало,
Плыли барки по Волге, челны...
Зарождалась, росла и мужала
Запасная столица страны.

Молодецки судьба развернулась,
Есть откуда нам силушку брать.
Эта сила недаром проснулась,
Силе этой любое под стать.

Как светлы здесь весенние зори,
Как улычиво смотрят вослед.
Может, кто-то со мной и поспорит,
Но приветливей города нет.

Не челны, а ракета речная
На просторе на волжском летит.
Ах, столица Самарского края,
У тебя ещё всё впереди!

* * *

Воспоминания Нины Ивановны Серпуховой³ (в замужестве Савченко) написаны для её детей, но они настолько насыщены подробностями и приметами жизни начала ушедшего века,

³ Текст воспоминаний публикуется впервые.

так пронизаны и личным, и общественным, что их вполне можно называть свидетельством эпохи.

Жалея о том, что оставляю в стороне, несомненно, очень интересные подробности, в том числе и бытового уровня, из-за недостатка места приведу лишь то, что непосредственно связано с геологами.

Писала она уже в пожилом возрасте. В самом начале отмечает: «У папы с мамой нас было восемь человек: три брата и пять сестёр. Перечисляю по старшинству: Коля, Вера, Маруся, Володя, Лена, Катя, Нина (я), Юра...

...Начну о каждом из нас, что помню, по старшинству...»

Несколько нарушим порядок. Вначале дадим отрывки из воспоминаний, которые касаются лично её, потом – окружения. Для того чтобы было удобнее читать, я дал отдельным эпизодам названия.

Она пишет, не приукрашивая события, не лакируя их. О себе чаще всего отзывается с явной иронией. На первой же странице читаю: «Меня мама жаловала меньше других. Была я упрямая и непослушная. Совсем изменилось отношение мамы ко мне, когда я уже была замужем за вашим папой. Помню, как мама сказала, когда я приехала из Бугуруслана: «Нинка приехала, и в доме точно солнышко проглянуло: такая весёлая и жизнерадостная».

Конечно, мама всегда любила меня, и доставалось мне больше других только потому, что я была хулиганкой. Доставалось всегда за дело».

Ещё бы! Чего стоит проделка со змеей, которую она со своей подругой Соней, живя в лесничестве, подложила старой деве – бухгалтерше, ненавидевшей их, подстраивавшей всякие пакости. И постоянно на них жаловавшейся. Поэтому им часто «влетало».

Гадюка для бухгалтерши

Так вот, зная, что бухгалтерша безумно боится змей, они решили убить гадюку и положить ей в кровать. Подруга её не боялась змей и часто убивала их в малиннике, когда они собирали ягоды.

Как назло, в этот раз в малиннике змея не попалась. Тогда они выкрали одну из заспиртованных в банке химиком Орловым змей и перенесли её из лаборатории в комнату бухгалтерши. Положили на покрытую белоснежным покрывалом кровать.

Развязка событий выразилась в диких воплях вылетевшей пулей из спальни её владелицы. На крики сбежались все, кто был рядом. Проказницы давились от хохота в дальнем конце двора.

Не буду далее описывать события. Они воспроизведены непосредственно и с задором.

* * *

Нина Ивановна приводит и потом на страницах своих воспоминаний много забавного, порой хулиганского. И так заразительно, зримо, что словно находишься на месте событий сам. Будто случилось это не около ста лет назад, а только что, на твоих глазах.

Вот одна из картинок времён гражданской войны. Дело было в Гатино, куда семья Серпуховых переехала, спасаясь от голода. И откуда только что ушли «белые».

Революционный матрос и коза Катька

Когда мы переезжали в Гатино, был уже настоящий голод. «Чтобы спасти семью, папа⁴ решил заняться натуральным хозяйством. Он нанял дачу (тогда дачи ещё не были конфискованы), при которой были большой сад и огород. Кроме того, там был сарай. Папа купил трёх коз – Катьку, Маньку и Мурку. Манька и Мурка были хорошие, ласковые козочки, но Катька была суший дьявол. Это была старая сильная коза. У неё были большие рога, и она очень хитро бодалась. Подходила к человеку со спины, поднималась на задние ноги и со всего маху ударяла человека под коленки. Коз нужно было гонять на пастбище за городское кладбище, где собирали всё городское стадо два пастуха. Вечером туда же нужно было приходиться их встречать. Чтобы мы могли управляться с Катькой, папа сделал нам нагайку из электрического шнура, но ухо всё равно нужно было держать востро. Катька при каждом удобном случае бодала и нас. Мама очень боялась Катьку. Не трогала Катька только папу.

Пока у нас были козы, мы по очереди гоняли их на пастбище и с пастбища. Один день Катя и Лена, другой – я и Юра. Когда однажды утром я и Юра гнали коз, на улице, шедшей от соборного садика (не помню его название), навстречу нам попался пьяный матрос. Он был обвешан крест-накрест лентами с патронами, у пояса прицеплена кобура с наганом и граната. В руках он нёс почему-то зонтик. Поравнявшись с нами, он, видимо, желая испугать коз, внезапно раскрыл зонтик, выставил его перед собой. Но он не знал нашу Катьку. Мурка и Манька разбежались, а Катька, обойдя его, поднялась на задние ноги и ударила его рогами под коленки. Матрос свалился. Он пытался встать, но Катька продолжала бить его рогами. Матрос заорал на неё, начал ругаться и кричать, что если мы не уберём нашу козу, он нас перестреляет. Мы очень испугались и боялись подойти к нему и отогнать Катьку. Не знаю, чем бы всё это кончилось, но, на наше и его счастье, из садика вышли несколько женщин. Они тоже гнали на пастбище своих коз. И помогли нам отогнать Катьку, обругали матроса: «Ишь, что придумал, пьяный дурак, – пугать маленьких детей. Вот сведём тебя к коменданту». Матрос стушевался, а мы погнали вместе со всеми своих коз домой».

Далее приведём фрагменты воспоминаний, связанные с её братьями Юрием и Владимиром и сестрой Катей, с которыми у Валентина Цареградского были тесные связи на протяжении значительной части жизни. Братья учились в Горном институте. Катя была студенткой университета.

⁴ Иван Моисеевич Серпухов (1870–1935) – отец. Работал бухгалтером на химическом заводе братьев Хрущёвых. Мать Аделаида Ильинична (1870–1948) – домохозяйка.

Горный ковбой

«Юра – мой младший брат. Родился в 1910 году в Петербурге, на Лубянской улице. Учился в начальной школе, как и все мы, у Варвары Петровны⁵. В какой школе учился в Гатино, не помню. В Петровском недолго ходил в школу. После Петровского, так же как и я, не учился нигде.

По возвращении в Ленинград поступил в школу у Пяти Углов, которую благополучно окончил. После школы поступил в Горный институт, который мы с ним окончили в 1932 г. По окончании института Юра был направлен работать в Якутск, где проработал до призыва в армию.

...Мы очень дружили с Юрой. Подробно напишу об этом, когда буду писать о себе, потому что детство наше неразрывно связано. Здесь напишу только то, что непосредственно со мной не связано. Будет это очень отрывочно. Пожалуй, и вся моя писанина состоит из одних отрывков, неожиданно всплывающих в памяти.

Юра очень любил читать. Он как-то обменял две свои книжки на книжки своего одноклассника. Выменянные книги (я уже не помню, что это были за книги) оказались совсем неинтересными. Убедившись в этом, Юра с досадой воскликнул: «Какой же я идиот, что поменял свои книги, не посмотрев сперва, на что меняю». Сокрушался Юра в присутствии Мусеньки⁶, и она тут же сочинила экспромт и пропела: «С книжками под мышкой, идиот мальчишка. Он идёт, идиот, идиотничает».

Это получилось очень смешно, и все мы, включая Юру, очень смеялись.

Товарищи Юры Костя и Лёня почти ежедневно бывали у нас. Лена и Катя в наших развлечениях не участвовали, а мы частенько дулись в подкидного дурака, причём обязательным условием было то, что проигравшая пара должна встать на четвереньки. Обычными партнёрами были я и Лёня, Юра и Костя. У меня в то время тоже была своя компания, и я при каждом удобном случае старалась улизнуть к своей подруге Варьке Клейн. Только в те дни, когда я оставалась дома, я проводила время в обществе друзей Юры.

Юра очень любил лошадей. Лошади его «понимали» уже тогда, когда он жил в Петровском. Я не помню, где и в качестве кого работал Онкел Базиль в последний год нашего пребывания в Петровском. Вероятно, в том же Железкоме, где и наш папа, так как других учреждений, по-моему, не было. Не знаю также, оставался ли Онкел Базиль членом «коммуны», но лошади находились в его персональном пользовании. Лошадей было три – два жеребца и кобыла. Я их очень боялась. Самый резвый и самый злой был вороной жеребец Орлик. Запрягал и выпрягал лошадь Юра всегда сам, а запрячь лошадь – дело нелёгкое. Интересно, что этот норовистый жеребец был совершенно послушен Юре.

Юра был хорошим охотником. К охоте он пристрастился через Валентина Цареградского. Валентин – страстный охотник. Он часто ездил на охоту, когда жил у нас, и брал с собой Юру.

Брат Володя подарил Юре маленькое ружьё «Монте-Кристо». Уже работая в Якутии, Юра добывал много ценной пушнины. Он говорил, что если бы было можно, он привёз бы меха не на одну шубу для нас. Но сделать этого было нельзя, так как меха, как и золото, нельзя было вывозить и приходилось сдавать меха в заготпушнину. Юра говорил, что стрелял он не ради денег и продуктов, которыми расплачивались за меха: «Мне и зарплаты вполне хватало», – говорил он.

⁵ Частная школа.

⁶ Мусенька (Маруся) – сестра Нины и Юры.

Геологи, работавшие в Якутске, говорили, что ни к кому так охотно не шли работать рабочие, коллекторы и прорабы, как к Юре. Дело в том, что его партия никогда не оставалась без свежей дичины. Юра бил не только пушнину, которую добывают, как известно, зимой. Браконьером Юра никогда не был. Летом он бил дичь пернатую и четвероногую только в положенное законом время. Тогда у Юры было уже не его маленькое ружьецо, а прекрасная двустволка».

«Я – Юра!»

«Помню, что, когда мы были ещё студентами, мама как-то сокрушалась, что ей надо бы купить тёплый платок, да денег нет. И что Коля и Володя совсем не помогают. Юрик сказал: «Мамочка, как только я начну зарабатывать, ты ни в чём не будешь нуждаться!» Мама сказала, что Коля и Володя то же помогали, пока не женились. И с тобой, когда женишься, будет тоже самое. На это Юра коротко сказал: «Я не Коля и Володя, я – Юра». И вышел из комнаты. Своё слово Юра сдержал и аккуратно присылал маме из Якутии половину своей зарплаты и до, и после женитьбы. Зарплата у Юры была немаленькая, и мама ни в чём не нуждалась, и в трудную минуту помогала всем нам. Не помню, в каком году Юра женился на Анне Фёдоровне. Год её рождения и её девичью фамилию я не знаю.

Мать Нюси была «мамушка»⁷ в артели старателей, поисковиков золота. Нюся рассказывала мне, как над ней, когда ей было 5 лет, «подшутил» один из старателей. Он спросил, не хочет ли Нюся кедровых орешков, и когда она протянула к нему сложенные лодочкой ладошки, он высыпал в них горсть чёрных тараканов. Нюся говорила, что от испуга с ней сделался нервный припадок, и её еле отходили. Можно представить себе, какая обстановка царила на этих зимовках. Пьянка там шла беспрерывно. Часть намытого золота утаивали, не сдавали в контору, а выменивали у китайцев на спирт, привозимый контрабандой. То же самое проделывали с пушниной. Китайцы были искусными контрабандистами.

Я видела мать Нюси только один раз, когда она с дочерью Нюси от первого брака приезжала к нам в Ленинград. Дочь Нюси Валерия постоянно жила с бабушкой в Якутске, как до женитьбы Юры, так и после неё. Уже взрослой, замужней женщиной Лера приходила к нам в Москве на Серпуховку. Она в то время работала (а может быть, и теперь работает) врачом в одном из московских роддомов. Она-то мне и рассказала о смерти своей бабушки.

Возвращаясь к женитьбе Юры. О том, что женился, он написал нам из Якутска. Приехал он домой, когда его старшему сыну Лёне было года два. Проведя отпуск дома, он вернулся в Якутск, а Нюся осталась в Ленинграде. Она не обладала хорошей фигурой, была маленького роста и очень толстая. Костя Мотыльков прозвал её АНТ-25. Эта кличка к ней пристала, так мы называли её между собой, а в глаза – Нюсей...

...Родился второй сын Юры, Борис. Вскоре после его рождения в очередной отпуск приехал Юра. Он говорил мне, что ему надоело скитаться и он хочет поступить в электротехнический институт. К тому времени истёк срок брони, освобождающей Юру от армии, и ему пришла повестка из военкомата. Если бы Юра не был Юрой, он не пошёл бы сразу в военкомат, а восстановил бы сначала бронь. Но Юра этого не сделал. Он явился в военкомат, и ему приказали прибыть на другой день. Словом, его призвали в армию. В это время в Якутске спохватились и вслед Юре срочно выслали бронь. Катя с ней побежала в военкомат, но там сказали, что Юра уже является военнотружашим, изменить ничего нельзя. Юра был зачислен в армию танкистом и направлен для прохождения службы в Белоруссию.

Когда у меня родилась ты, дочурка, я получила от Юры очень тёплое письмо. Он поздравлял меня и вашего папу. Просил подробнее написать ему, как ты, сколько вешишь, и какого ты роста. Спрашивал, как прошли роды, как мы с Васей думаем назвать. Мне очень жаль, что я не сохранила этого письма. Последнее письмо от Юры получила уже во время войны мама. Он писал, что их полк вырвался с большими потерями из окружения, что он своими глазами видел все ужасы войны – убитых детей, стариков и женщин, сожжённые деревни, вытопанные хлебные нивы. Писал, что не знает, на какой участок фронта их направят. Письмо он закончил фразой: «Мамочка, родная, не грусти, кончится война, и я вернусь». Но он не вернулся».

⁷ Женщина, выполняющая бытовые работы в артели старателей (готовка, стирка и т. д.).

* * *

Как хорошо, что Нина Ивановна оставила свои воспоминания. Есть возможность читать записки умного, с живым характером человека. Я по-хорошему завидую братьям Серпуховым: Николаю, Владимиру, Юрию. В их жизни была такая сестра...

Средний брат Володя

«Володя⁸ родился в 1899 г. С серебряной медалью окончил 10-ю мужскую гимназию. В молодости Володя был очень озорным. Папу часто вызывали для объяснений в гимназию. Сохранилась фотография (не знаю, у кого она сейчас), на которой снят класс, в котором учился Володя. В первом ряду с торжественными лицами сидят педагоги, а в заднем ряду с лихо сдвинутой набекрень фуражкой возвышается на полкорпуса выше всех Володя. Папе часто приходилось ходить и извиняться за поведение Володи. Но, несмотря на шалости, Володя и гимназию окончил с серебряной медалью. Он очень увлекался хоккеем. Ключка у него была, но не было обмоток на ноги. (Тогда играли, забинтовывая ноги толстыми шерстяными обмотками.) Володя просил маму купить ему обмотки, но безуспешно, так как мама считала хоккей баловством, мешающим заниматься. В это же время на кровати Коли и Володи были куплены два пушистых шерстяных одеяла. Володя, недолго думая, отрезал от того и другого по длинной полосе себе на обмотки. Ему тогда здорово попало. Не подумайте, что его выдрали: нас никогда не били и не лишали за обедом сладкого. Просто мама его отчитала и запретила играть в хоккей. Но Володя по-прежнему потихоньку от мамы продолжал играть в хоккей в самодельных обмотках.

Окончив гимназию, Володя поступил в Горный институт, но, не окончив второго курса, добровольцем ушёл в Красную Армию. Прослужил он рядовым всю гражданскую войну. Воевал на разных фронтах. Помню, как он на минутку забежал домой, когда красные гнали от Ленинграда войска Юденича. На каких ещё фронтах воевал Володя, не знаю.

Помню, когда его демобилизовали, он приехал к нам в Петровское. Будучи человеком компанейским, он быстро сдружился с местной молодёжью, организовал любительскую труппу и поставил пьесу Островского «Бедность не порок», где играл роль Африкана Савича. Дядя Коля извлёк из сундука свой сюртук и дал его Володе. Спектакль прошёл успешно. Сюртук был снова убран в сундук, и Володя поехал в Петроград восстанавливаться в институте.

Но тут произошло событие, чуть не кончившееся для него трагически. В Боровичах его арестовали как дезертира. Дело в том, что Володя оставил бумажник с документами в сюртуке. Я не знаю, каким образом об этом узнали дома. Начался переполох. К счастью, дядя Коля догадался заглянуть в карман своего сюртука и обнаружил там бумажник. Не знаю, с кем бумажник переправили в Боровичи и отдали Володе, который в ожидании суда сидел на «губе». Удостоверившись, что Володя демобилизован досрочно для продолжения образования, военное начальство его с миром отпустило.

Восстановление в Горный далось Володе нелегко. В то время ректором был профессор Герман. Он же был ректором, когда учились и мы с Юрой. Когда Володя подал заявление с просьбой восстановить его в институте, Герман восстановить решительно отказался, сказав: «Раз вы добровольно бросили институт, учиться в нём вы больше не будете». Я не помню всей истории Володиного восстановления, знаю только, что он восстановился. У Володи на всю жизнь осталось на кисти левой руки пятно от ожога. Он рассказывал, что прижигал себе руку, чтоб не набить Герману во время разговора с ним морду.

Потом, когда Володя стал сначала известным геологом, почётным членом географического общества и, наконец, профессором института, у него с Германом были прекрасные отношения».

⁸ Владимир Иванович Серпухов оказал большое влияние на становление В. Цареградского как геолога в период обучения на старших курсах и работы в экспедициях.

Добавим к воспоминаниям Нины Ивановны: Владимир Иванович, бросив учёбу в гимназии, в ноябре 1917 года уехал санитаром студенческого отряда Красной армии на фронт. В 1918 году окончит с серебряной медалью 10-ю Петроградскую гимназию.

И вновь служба. Теперь – в кадровой роте ВЧК по охране путей сообщения.

Он участвовал в боях под Харьковом и Одессой, под Уфой, осенью 1919 года защищал Петроград от Юденича, в 1920 году воевал против петлюровских отрядов Тютюнника и Кацуры под Кременчугом. Демобилизовался в октябре 1922 года.

В Горный институт подаёт заявление в 1919 году, но окончит его только в 1939-м экстерном и с отличием. Участие в экспедициях, открытия, которые он делал на Дальнем Востоке, Алдане, Чукотке, не оставляли времени для академических занятий в институте.

В 1926–1929 годах он возглавлял Алданскую геологопоисковую партию, в 1930–1933 годах производит геологическую съёмку и разведку в Удском районе...»

Катя

«Тётя Катя⁹ родилась в 1905 г. Училась сначала в той же школе, что и все мы, потом в Екатерининской женской гимназии. В Гатино, не помню где, но не в одной со мной школе. В Петровском недолго училась. По приезде в Ленинград сначала училась в школе на Выборгской стороне, потом неделю в Лентовке и, наконец, окончила школу у Пяти Углов. В этой школе директором был Боровский – первый муж Елены Осиповны Сычёвой. Ту же школу у Пяти Углов окончил и Юрий – мой брат и ваш дядя. Высшее образование получила в университете, занималась на химическом факультете.

Катюша была очень слабым ребёнком, да и взрослой не стала крепче. Когда ей было 4 года, она перенесла очень тяжёлую форму крупозного воспаления лёгких, её едва удалось спасти. Мама рассказывала, что мы в то время жили на даче в Парголово. Стояло прекрасное лето. Нас выкупали в ванне и спать уложили не сразу. Катенька вышла и села на крылечко. На другой день у неё поднялась температура. Из рассказов мамы я помню, что Катю лечил доктор Мартынов. Он говорил, что когда уже почти не было надежды, он, рискуя, вводил Катюше «лошадиные дозы» камфоры. В то время у нас гостила бабушка Татьяна Даниловна. Она сказала: «Что вы мучаете ребёнка, дайте ей умереть спокойно, положите её под образа. Разве вы не видите, что она отходит». Мама говорила, что у Катюши уже началась синюха: посинели ногти и нос. Мама также говорила, что папа закричал на бабушку: «Мамаша, уйдите из комнаты и не суйтесь не в своё дело!» Наконец выступил пот и температура упала – кризис миновал. Доктор вздохнул с облегчением и сказал: «Ну, теперь будет жить». Катюша поправилась, но лёгкие остались слабыми. Впоследствии у неё развился туберкулёз, который во время блокады свёл её в могилу. Подробно об этом я напишу ниже.

В детстве Катенька была очень тихой, послушной девочкой. Я не помню её подруг в школе и гимназии. Когда она окончила школу у Пяти Углов, она подружилась с Лёлей Соколовой, очень хорошенькой бойкой девушкой. В университете она дружила с Таней Ендовицкой и с Ниной (фамилию забыла). Об этих её подругах я ещё расскажу.

Во время нашего отрочества дома у нас было очень шумно. У брата Володи было много друзей однокурсников, и они постоянно бывали у нас. Володины друзья меня мало интересовали, но Лена и Катя жили полной жизнью, то есть очень весело. Впрочем я в своей компании тоже не скучала. Назову из Володиных друзей тех, кто чаще других бывал у нас.

1) Мишка Слейников (жил у нас больше года). 2) Коля Сочновский. 3) Аркадий Корольков. 4) Клёма Звонарёв. 5) Ванька (Ванька с трубкой) и 6) Валентин Цареградский.

«Ванька с трубкой» влюбился в Катю и просил её немедленно выйти за него замуж. Катя сказала, что вряд ли мама и папа позволят ей выйти сейчас замуж. Ванька стал уговаривать её зарегистрироваться потихоньку. Кате было 15 лет, и вряд ли бы их зарегистрировали.

Когда мама узнала об этом, она очень возмутилась и запретила Ване приходить к нам, а Володе – приглашать его.

Рассказывая о друзьях Володи, я не упомянула, что у Кати начался роман с Валентином Цареградским, прозванным «бледнолицым юношей». Роман кончился свадьбой. Катюша вышла замуж очень молодой. Ей ещё не исполнилось 17 лет. Было это в 1923 г. В 1925 г. родилась Вероника, а в 1927-м – Ира. Катюша ездила с детьми на лето в семью Валентина в село Никольское-на-Черемшане. По преданиям, там разыгралась трагедия, описанная Пушкиным в Дубровском. До революции земли вокруг Никольского принадлежали помещику Троекурову.

Катюша надолго оставляла девочек в Никольском у свекрови. Рина спала там на сундуке и однажды ночью упала с него и сильно ушиблась. Зимой она начала жаловаться, что у неё

⁹ Воспоминания написаны детям автора, отсюда – «тётя».

болит ножка. Она уже с трудом ходила. Осмотреть её был приглашён известный в Ленинграде хирург – профессор Буш. Дочь маминой приятельницы Е.В. Редько была замужем за сыном Буша. О Редько я ещё буду говорить, когда начну писать о себе. Буш осмотрел Рину, потом положил на пол коробок спичек и попросил Рину его поднять. Наклониться Рина не могла и присела на корточки. Буш сказал, что у неё туберкулёз позвоночника и попросил её раздеть. Когда Рину раздели, он показал, что один из позвонков у неё значительно увеличен, и сказал, что это начал развиваться горб, и её нужно положить в костно-туберкулёзный санаторий. Туда годами ждали очереди, но он хорошо знаком с главврачом профессором Хренниковым и даст ему письмо.

Благодаря этой протекции Рина была принята сразу же. Она пролежала там несколько лет в гипсовом корсете. Этим беда не кончилась. Рина захворала скарлатиной. Образовался натёчник, и Рину пришлось оперировать. Катя в это время училась в институте».

* * *

Это только небольшие отрывки из воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой, достойные быть изданными пусть небольшой, но отдельной книжкой.

Гранит науки

Ещё студентом В. Цареградский начал работать с профессором Рябининым, специализируясь по древним позвоночным животным.

Первую свою самостоятельную работу студент Цареградский провёл в бассейне Северной Двины, занимаясь изучением развития древних ящеров. Об этом классе животных он напишет шесть статей.

Раздобыв умершего варана в зоологическом саду, он отпрепарировал его скелет, вывавил, привёл в порядок. И получил возможность сравнить скелеты современных ящериц со скелетами мезозавров. Манила большая тема: «Эволюция костного скелета».

В характеристике, подписанной палеонтологом, профессором Анатолием Николаевичем Рябининым, В.А. Цареградский аттестован самым лучшим образом. Он хорошо занимался по его предмету, обнаружив способности к научным исследованиям. Добросовестно выполнил порученную ему работу по описанию останков мезозавров, найденных в верхнемеловых отложениях Саратовской губернии, Уральской области и Донецкого бассейна. Статья В.А. Цареградского, посвящённая данной теме, была напечатана в «Известиях Геологического комитета» за 1924 год. Профессор отмечает, что студент приступил к изучению палеонтологических окаменелостей Приморского края, настаивал, чтобы данная тема была закреплена за его подопечным. Дипломная работа, которую предстояло защитить, носила название «Мезозавры в современном научном освещении». Обоснование подписали ведущие палеонтологи СССР – профессора А.Н. Рябинин и Н.Н. Яковлев.

Для прохождения 2-й Геологической практики В.А. Цареградский отправился на Северо-Восток, в район реки Ветлуги. Одну часть маршрута (до Вологды) он проехал на поезде, другую (до Устюга) – на пароходе. В ходе практики студент успешно выполнил учебный минимум по геодезии и геологии.

Год спустя, 14 мая 1926 года, его командировали в район бассейнов рек Алдан и Тымиток Якутской ССР в составе геолого-разведочной партии В.И. Серпухова. Здесь Цареградский получил должность производителя работ. Район оказался совершенно диким. Выпал снег, задержавший возвращение геологов на две недели. Осложнила ситуацию болезнь В.И. Серпухова. В.А. Цареградский временно принял на себя заботы по экспедиции. В 24 года это настоящее испытание, которое он успешно выдержал. В марте 1926 года В.И. Серпухов пригласил В.А. Цареградского в качестве заведующего поисковыми работами в Южно-Алданском районе Якутской ССР.

Алданская экспедиция не помешала В.А. Цареградскому продолжить работу над дипломным исследованием. В мае 1927 года он берёт отпуск и проездные документы до станции Большой Невер Амурской железной дороги. Осенью В.И. Серпухову вновь пришлось объяснять отсутствие студента, своевременно не прошедшего регистрацию в институте. В.И. Цареградский задержался на реке Алуткан, где проводились работы по нарезке шурфов.

Наравне с активным участием в полевых работах, прохождением пяти практик (геодезической, горной и трёх геологических) студент В. Цареградский за период учёбы прослушал и выполнил практические задания по 52 курсам.

После работы на Алдане его взяли на учёт в секции золота и платины Геологического комитета как специалиста по золоту.

Специалистов в стране не хватало. Каждый студент был на строгом учёте. За год до окончания института, с четвёртого курса, они уже назначались начальниками геологических партий.

Будущий «Золотой Моцарт» и «Бледнолицый брат»¹⁰

*Рыжая масть, белая кость,
Крепкий, на диво сработанный гвоздь.
Взгляд голубой блестит умом,
Много талантов собрано в нём.*

*Ясная логика, острая мысль,
Светлая память в одно слились.
Всё в нём в избытке, всем он богат,
Не человек – настоящий клад.*

Эти стихи о Ю. Билибине сложили в период его работы сразу после окончания института на Алдане его друзья геологи.

Слово «клад» в данном контексте – в устах геологов звучит особо. Шутливо-дружеское стихотворение, но всё же... Не о каждом из нас наши коллеги по работе скажут громко и с таким восторгом!..

Да ещё в суровых природных условиях, при постоянной угрозе голода, холода и бытовой неустроенности...

Я сижу за рабочим столом и перебираю скопившиеся на нём фотографии участников Алданских и Колымских экспедиций.

Невольно отмечаю, что чаще всего нахожу на них Ю. Билибина с улыбкой на лице. И там, где он заснят реалистом ещё в 1913 году, и там, где в группе геологов Н.И. Зайцева, П.М. Шумилова, где сидит один во время Первой Колымской экспедиции. Он и здесь, глядя прямо в объектив, улыбчив и доброжелателен. Полная самодостаточность и раскованность.

Я заметил, что и люди, если он оказывался рядом с ними, становились улыбочивыми, это хорошо видно по фотографиям. Такой притягательный магнетизм излучал этот человек.

Невольно ищу семейную фотографию Билибиных. Всматриваюсь в лица отца его, матери, двух сестёр.

Билибины упоминаются в российских книгах, грамотах со времён Иоанна Грозного. В их талантливом роду – математик, известный художник, автор учебников по алгебре и геометрии, учёный-этнограф.

* * *

О своём детстве и юности сам Ю.А. Билибин оставил сведений мало.

Родился он 6 мая 1901 г. (старого стиля) в г. Ростове Ярославской губернии в семье кадрового военного. Отец – офицер-артиллерист, мать – преподаватель Ростовской прогимназии. Дома все любили искусство, рисовали, музицировали. Во время Первой мировой войны его отец, Александр Николаевич, в чине полковника командовал 56-м парковым артиллерийским дивизионом. С 1918-го по 1922 год служил в Красной армии. Мать София Степановна преподавала. Жила позже вместе с сыном в Ленинграде, встретила там войну и пережила блокаду.

...После Ростова Билибины осели было в Карачеве, уездном городишке, где на базаре приятно пахло хлебом, кожей, лошадьми. Однако отца часто переводили служить с одного места на другое. После Карачева жили в скучном Царском селе в казённых флигелях офицер-

¹⁰ «Бледнолицый брат» – так в шутку звали в своём кругу В. Цареградского собиравшиеся у Серпуховых студенты.

ской школы. Затем – в шумной Самаре, вблизи раздольных Жигулей и Волги. В купеческом городе с зазывными базарами, где манили к себе яркие игрушки, шарманки.

В 1911 году Юрий поступил в Самарское реальное училище. Из похвального листа того времени: «Педагогический совет Самарского реального училища имени императора Александра Благословенного на основании параграфа 30 Правил об испытаниях учеников реальных училищ, учреждённых г. Министерством народного просвещения 29 апреля 1895 года, наградил этим листом ученика 1-го класса Билибина Георгия за примерное поведение и отличные успехи, показанные им в истёкшем учебном году. Самара, 8 сентября 1912 года». И в последующие годы Юрий (Георгий) учился очень хорошо.

После Самары – Смоленск. В нём семья Билибиных оставалась дольше всего. Пережили две войны и две революции. Здесь Ю. Билибин оканчивает в 1918 году реальное училище. В этом же училище, где работала учительницей мама, учились сёстры Людмила и Галя.

Неистощимый на выдумки, отец делал жизнь семьи весёлой и праздничной. Дом, который они снимали, был превращён в уютный уголок.

Александр Николаевич, строгий на вид, с усами, торчащими будто пики, острой бородкой, сочинял шуточные стихи. Сам редактировал рукописный семейный журнал «Уютный уголок». Сам рисовал картинки, рамки. Подписывался – «редактор Шампиньон», «художник Пупсик». Сотрудниками журнала были все члены семьи. Они выступали под псевдонимами: Муха, Мурзилка, Кругломордик, Галка-Мокроглазик, Стрекоза, леди Зай.

В феврале 1919 года Ю.А. Билибин добровольно вступил в Красную армию, служил вместе с отцом до 1921 года в штабе 16-й армии. Из Красной армии он был направлен в Смоленский военизированный политехнический институт, в сентябре 1921 года перевёлся в Петроградский горный институт.

В начале 20-х годов институт на Неве – один из центров геологической науки. В нём работали выдающиеся представители отечественной геологии: А.А. Борисьяк, Д.И. Мушкетов, А.Н. Заоварицкий, А.К. Болдырев, С.С. Смирнов и др. Здесь-то и встретились два энергичных студента – Ю.А. Билибин и В.А. Цареградский. Это произошло в лаборатории количественного анализа, когда Юрий Билибин выполнял работы по химии.

У Билибина уже тогда были выражены не только задатки учёного, но и истинного философа с огромной внутренней интуицией.

Рудольф Седов пишет: «Цареградский хотел быть палеонтологом, Билибин – петрографом. Они не были похожи даже внешне: Билибин – огненно-рыжий, Цареградский, как цыган, – смуглый, чёрный; у Билибина выдавался массивный подбородок, у Цареградского – подбородок острый. И глядели они по-разному: светлоглазый Билибин – открыто и прямо, у Цареградского карие глаза смотрели как-то из-под бровей, прицеливаясь».

Дружба молодых людей объединила их энтузиазм и мечту, которые, пройдёт совсем немного времени, проложат русло их общей судьбы и в известной степени судьбы золотодобычи на Колыме.

...В институте работало студенческое научное общество, называвшееся геологическим кружком. Внутри кружка была организована Сибирская секция. Возглавил секцию Ю. Билибин. Организационное собрание секции состоялось 9 ноября 1923 года. В этот день члены секции, куда входили Е.С. Бобин, Д.В. Вознесенский, К.Г. Кригер-Войновский, А.Л. Лисовский, С.А. Музылев, В.А. Пресняков, С.А. Призant, В.И. Серпухов, Н.А. Хрущёв, В.А. Цареградский и Ю.М. Шейнманн, дали торжественное обещание свою основную деятельность сосредоточить на изучении геологического строения и подземных богатств Сибири и Дальнего Востока.

Мозговым центром секции были В.И. Серпухов и Ю.А. Билибин. Собирались чаще всего на квартире Серпуховых, где жила молодая семья Кати и Валентина Цареградских.

Сибирская секция просуществовала несколько лет (до 1926 года), в течение которых проводились заседания, заслушивались и обсуждались рефераты статей о геологическом строении различных районов Сибири, а в дальнейшем – доклады о работе как членов секции, так и приглашаемых на эти заседания геологов-сибиряков.

Ю.А. Билибин читал рефераты об Урале и Алдане. Весь Северо-Восток страны был разделён на зоны. Билибин взял себе Чукотку и Камчатку, Царегородский – Индигирку и Колыму.

Дух тесного товарищества, царивший внутри секции, для многих его членов перерос в дружбу, которую они пронесли сквозь всю жизнь, отданную изучению необъятных, труднодоступных и суровых пространств Отечества.

Все участники секции остались верны своему торжественному обещанию. Одни из них стали участниками колымских экспедиций, другие работали на приисках Якутии и Колымы. Кто-то оказался на Севере и Северо-Востоке нашей страны по собственному призванию или попал в мясорубку ГУЛАГа, а кто-то был в составе инженерной элиты дальних горных и приисковых управлений.

Десять размоченных горошин

...Студентам тех лет, когда в стране царили разруха и безработица, жить было непросто. Билибин не исключение. Квартировал он в доме напротив института. Это несколько помогало. Не требовались деньги на трамвай, меньше изнашивалась обувь. Подрабатывал, как и Цареградский, грузчиком в порту, который был рядом с институтом, расчищал снег на трамвайных путях Васильевского острова.

Как это знакомо. Нам, ребятам выпуска 60-х годов политехнического института в Куйбышеве (теперь Самара), часто приходилось разгружать баржи на Волге, вагоны на железнодорожном вокзале, лопатить земельные участки вдоль Волги на дачах и в пионерских лагерях.

Но мы получали стипендию, не платили за обучение, плюс почти бесплатное место в общежитии. Другое дело Юрий Билибин. Он дважды обращался к руководству института с единственной просьбой. Первый раз писал: «Вносить плату за обучение я не в состоянии. Не имея никакого постоянного заработка, я сейчас живу только тем, что мне удалось заработать осенью в порту, употребив на это полтора учебных месяца. Рассчитывать на поддержку из дому не могу, так как отец, член профсоюза транспортников, получает весьма ограниченное жалованье, содержит на своём иждивении мою сестру и мать». На прошение легла суровая резолюция: «Оставить в силе прежнее постановление».

В следующем заявлении студент писал: «Даже последний выход – продажа своих вещей – для меня закрыт, потому что имею только то, что на мне. Остаётся одно – уходить из института. Этот выход мне тем более обиден, что, несмотря на крайне тяжёлые условия жизни, я всё же проявил полную активность, в настоящее время мною сдан не только рождественский минимум, но даже более 100 процентов годового». Теперь на заявление легла резолюция помягче: «Снизить плату наполовину». В том же 1923 году Билибин снова ищет, где бы подработать. Найти в то время работу было непросто. Билибин просит дать ему свидетельство о том, что он стипендии не получает, для представления на биржу труда...

...В. Цареградский много позже вспоминал, что ещё в студенческую пору его восхищала самодисциплина, сила воли и целеустремлённость Билибина, который жил строго по расписанию и всё предусматривал до мелочей. В голодные годы в Ленинграде студенты существовали на скудном пайке. Билибин периодически получал от родителей из Смоленска посылки с продовольствием и распределял полученное на небольшие ежедневные добавки. Селёдку делил на мелкие кусочки и съедал в день не больше одной определённой порции, добавляя к ней десять размоченных горошин. Несмотря на постоянное ощущение голода, не нарушал установленного порядка, не наедался хотя бы раз досыта. И это при напряжённых занятиях в институте.

Юрий в это время страдал малокровием, упадком сил. Ему дважды давали месячные отпуска для поездки на поправку к родителям в Могилёв.

Голодали и профессора. Профессор Болдырев жил коммуной со Смирновым и Наливкиным, будущими академиками. Питались они впроголодь.

Юрий перебрался в общежитие рабфаковцев. Жили без печей и отопления. Чтобы варить похлёбку в армейских котелках, они на пол клали кирпичи, на них разводили костры. Спичек не было. Для поддержания огня переносили зажжённую лучину из комнаты в комнату. Спали на голом полу по-солдатски на шинели, ей же укрывались. Под голову клали книги.

Над книгами Билибин просиживал до ломоты в костях.

– Нет такой книги, которую нельзя прочитать за одну ночь, – считал он.

Он ходил на все лекции. В классах замерзали чернила, пальцы от холода коченели. Конспекты писал чётким крупным почерком, толково и ясно. Они ценились как прекрасные учебники. Многие студенты сдавали экзамены по ним.

...И всё-таки как много и успешно работал Ю.А. Билибин в студенческие годы! Он публикует статьи по результатам исследования открытых им новых минералов: алюмогидрокальцита и алюмолимонита, о смесимости минералов группы кальция. Эти статьи актуальны и сейчас. Таков характер дарования молодого горного инженера.

Высокий, волевой студент Юрий Билибин был старше В. Цареградского на один год, по институту – на два курса.

Оба – романтики. Оба мечтали о таёжных экспедициях. Билибина больше привлекала Камчатка с её действующими вулканами, горячими источниками. Тогда геологи о них почти ничего не знали. Выступая с рефератами, слушая доклады геологов, географов, побывавших в Сибири, они рвались к конкретным практическим делам.

* * *

В завершающем году студенческой жизни Билибин уже не бедствовал. Он стал научным сотрудником Геологического комитета. Занимался обработкой летних материалов Хакасской экспедиции, в которой участвовал в должности прораба. Настала безбедная жизнь. Билибин перевёз из Могилёва в Ленинград престарелых родителей, теперь они стали жить на его иждивении.

Учёба геологов – это прежде всего производственные практики, поездки по всей стране. Юрий Билибин, кроме практики на Байкальском железорудном месторождении, летом 1923 года работал смотрителем мелких шахт на Успенском руднике в Донбассе, летом 1925 года – прорабом в партии Геологического комитета по поискам и разведке редких металлов в Хакасии под руководством старшего геолога и профессора Ленинградского университета Якова Самойловича Эдельштейна.

...10 мая 1926 года Билибин выдерживает испытание Государственной квалификационной комиссии и защищает дипломную работу на тему «Алюминиевые минералы из Хакасского округа». Ему присваивается квалификация горного инженера.

Дипломную работу он выполнял под руководством преемника К.И. Богдановича – А.Н. Заварицкого. Оба – легенды отечественной геологии. Так закладывалось интеллектуальное достояние горных инженеров.

Единомышленники

...Валентина Цареградского манили скалистые горы, непроходимые леса. Он читал и приходил в восторг от описания северной природы Маминым-Сибиряком, Джеком Лондоном.

Евгений Константинович Устиев¹¹ – мужественный исследователь, написавший о Первой Колымской экспедиции правдивую и увлекательную книгу «У истоков золотой реки», много раз встречался с Валентином Александровичем Цареградским. Писалась она по его воспоминаниям. Потому особенно достоверна.

Нахожу у него о Цареградском: «...Он перечитал то немногое, что можно было найти в книгах о Восточной Сибири, – всё, вплоть до корявых донесений, писанных первыми землепроходцами в московские приказы «тишайшего» государя Алексея Михайловича. Теперь он ясно понимал, как мало известно о необозримых просторах к востоку от Лены. Тоненькие, теряющиеся в безмерности тайги и тундры тропки шли через Яну, Индигирку, Колыму, Анжуй, через каменистые Анадырские горы к Студёному морю, на котором когда-то боролись с ледяными штормами корабли командора Беринга. Всё, что было в стороне от этих редких тропинок или от туманных берегов Охотского моря с их редкими рыбацкими посёлками, оставалось загадочным и волнующим своей неизвестностью.

Цареградский разыскивал в библиотеке Горного института всё новые и новые книги в старинных, под мрамор, переплётах, тренировал себя гимнастикой и спортом, тренировал глазомер в тирах, обливался ледяной водой и спал ночью с открытой форточкой. Никакие насмешки товарищей не могли поколебать в нём удивительную для его молодости целеустремлённость. Молодость всегда верит в свою звезду, а одержимая, она верит в неё стократно!..»

Попавшиеся В. Цареградскому в библиотеке записки революционера-народника, натуралиста и геолога Ивана Дементьевича Черского не оставляли в покое.

Записки касались путешествия И. Черского по дикой в то время Якутии и в низовье Колымы. В эту поездку он был послан в 1891 г. Петербургской академией наук. Ежедневные записки автора отражали поразительные картинки неведомого края: суровую его природу, характеры проводников и оленоводов. В них была их ломаная, точная речь, обычаи и нравы. Это было последнее путешествие И.Д. Черского. Заболев скоротечной чахоткой, он умер на втором году своего путешествия, когда сплавлялся на плоскодонном баркасе в низовьях Колымы.

Жена Мавра (Марфа) Павловна похоронила мужа на левом берегу Колымы, против устья Омолона. На месте упокоения был поставлен деревянный крест с выжженной надписью и деревянная ограда.

Иван Дементьевич Черский – первый геолог, достигший Колымы и составивший о ней точное описание.

Думал ли В. Цареградский о том, что их пути пересекутся?

Став после своих экспедиций на Колыму во главе геологического управления, занимающегося исследованиями всего когда-то дикого края, он организует установку на могиле И.Д. Черского каменного обелиска с надписью: «Выдающемуся исследователю Сибири, Колымы, Индигирки и Яны, геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому от благодарных потомков».

Это будет много позже, а пока... лекции, семинары, доклады... Как пишет о Ю. Билибине и В. Цареградском Е.К. Устиев:

¹¹ Е.К. Устиев – выдающийся петролог, был репрессирован в 1937 г. и этапирован на Колыму вместе со своим названным отцом, известным геологом А.А. Флоренским.

«Их легко воспламенявшееся воображение было однажды поражено интересным докладом Сергея Владимировича Обручева, который только что возвратился из длительного путешествия в бассейн Индигирки и привёз оттуда массу новых геологических и географических сведений. Он начал свои многолетние исследования, распространившиеся затем на бассейн Колымы и приведшие через несколько лет к открытию громадной горной цепи. Названная в честь Черского горная гряда оказалась сенсацией для географов. Протяжённостью во многие сотни километров, она уже сама по себе показывала, как много неизвестного ещё скрывается к востоку от Лены!

– Послушай, Юра, – воскликнул после обручевского доклада Валентин, – ведь это новая Америка! Там можно ждать чего угодно!»

Автор доклада, который так вдохновил молодые умы, – Сергей Владимирович Обручев – крупный специалист-геолог, сын академика В.А. Обручева. Результатом его многолетних изысканий явилось создание совершенно новой картины геологического строения Средне-Сибирского плоскогорья. Он предсказал существование огромного Тунгусского угольного бассейна.

С.В. Обручев – пионер в изучении геологического строения бассейна Индигирки и Колымы, а затем и Чукотки.

После первой своей экспедиции на Индигирку (1926–1927 гг.) установил, что полюс холода Земли находится в верховьях Индигирки – в Оймяконе.

Его отец Владимир Афанасьевич Обручев в начале XX века, проведя многолетние исследования в Сибири и Центральной Азии, создал теорию формирования золотоносных россыпей. Станет автором значительного труда в теории развития геологии «Металлогенические эпохи и области Сибири».

* * *

Профессор Владимир Афанасьевич Обручев – главный на то время консультант треста «Алданзолото», сразу же после окончания Ю. Билибиным института рекомендовал его геологом на Алдан. Будущий академик увидел в талантливом выпускнике учёного, способного подключиться к разработке научных методов поисков золотых месторождений. Алдан для этого был подходящим стартом.

При подготовке необходимых документов для поездки на Алдан произошёл случай, насколько забавный, настолько и имевший значительные для Ю. Билибина последствия. Потребовалась подпись секретаря квалификационной комиссии профессора Трушкова. В институте его не оказалось, и Ю. Билибин решил пойти к профессору домой. От стука дверь распахнулась, и на площадку с рычанием выскочила огромная, вовсе не миролюбивого вида собака. Тут же выбежала девушка, которую он несколько раз видел во дворе с этой самой собакой. Даже кланялся ей, но подойти не решался...

– Ермак! Нельзя! Фу! – крикнула она.

Однако Ермак напирал. Закрывать дверь и уйти? Непрошенный гость посчитал такой ход событий недостойным. Опустившись на четвереньки, оскалил зубы и, выпучив глаза, зарычал. Такого четвероногий Ермак никак не ожидал, благоразумно попятился, решив не связываться.

Захотев, девушка поинтересовалась:

– Вы какой породы? Из дворян?

Визитёр поднялся с колен и невозмутимо ответил:

– Дворянин!

Так познакомился Ю. Билибин со своей будущей женой Натальей Николаевной Трушковой.

В 1931 году, не окончив последний курс Ленинградского университета, она уедет в экспедицию на Колыму в составе Второй Колымской экспедиции, которую организует неудержимый выпускник горного института Ю. Билибин.

«...Доказать усердие к услуге Отечества»

Теперь, следуя за поворотами судьбы В. Цареградского, я задумываюсь над тем, что подтолкнуло Валентина Цареградского уехать из Самары, будучи уже студентом 1-го курса физико-математического факультета Самарского государственного университета, и поступить в Горный институт.

Да, можно полагать, что причиной тому – голод в Поволжье и массовый отъезд вузовских педагогов из Самары. Возможно, так. Но в горном институте оказался и Юрий Билибин, тоже волжанин. И у него, кажется, выбран был уже свой путь: он учился в Смоленском военизированном политехническом институте. И вдруг резкая перемена – перевод в Петроградский горный. Что это? Наверное, не случайное совпадение. Мечты молодых сердец! Мечты и... действительность, суровая жизнь начала 20-х годов. В стране и в Поволжье в это время разразился страшный голод – трагедия небывалых масштабов. Началось массовое переселение в Сибирь.

Молодые умы не могли не видеть, что Сибирь – спасительница. Не могли не сознавать, в чём в будущем заключено могущество страны. И потом: пример Нансена, учёного с мировым именем, первым откликнувшегося на страшную беду в России. А они были будущими учёными, молодыми романтиками.

Вспомним начало двадцатых годов в нашей стране и Фритьофа Нансена, человека, которому многие из нас, волжан, обязаны, может быть, жизнью, ибо он спасал наших дедов и прадедов от смерти. Это были годы поступления Билибина и Цареградского в институт и учёбы в нём.

Известно, что голод в 1921-22 годах охватил более трёх десятков губерний и областей страны. Это Башкирия, Челябинская область, Казахстан, Саратовская, Оренбургская области, частично Приуралье, Западная Сибирь, Южная Украина, Крым и другие. Но более всего пострадала Самарская губерния.

Голодало не менее 40 миллионов человек. Пошли массовые заболевания: сыпной тиф, брюшной тиф, дизентерия, истощение, опухоли...

Истощённая революциями и гражданской войной республика не имела сил бороться самостоятельно с наступившей катастрофой.

М. Горький выступил с обращением «Ко всем честным людям», призвав мировую общественность на помощь. Оно было направлено в том числе и Фритьофу Нансену – первому в истории верховному комиссару Лиги Наций по репатриации военнопленных. Авторитет норвежского полярного исследователя при жизни был непререкаемым. Неутомимый первооткрыватель, учёный-зоолог, основатель новой науки – физической океанографии, политический деятель, лауреат Нобелевской премии мира.

Нансен с юности был превосходным лыжником, неоднократно выигрывал чемпионаты Норвегии. Уже в 20 лет он принял участие в четырёхмесячном плавании по Северному Ледовитому океану. В 1886 году в двадцатипятилетнем возрасте был удостоен большой золотой медали Королевской академии за результаты изучения строения клеточного аппарата нервной ткани.

Он совершил вместе с пятью своими товарищами переход через всё ледяное плато Гренландии, от восточного берега до западного! После грандиозной экспедиции Нансена на Северный полюс в 1893–1896 годах он становится национальным героем.

Нансен одним из первых откликнулся на голос М. Горького. 9 сентября 1921 года он выступил в Лиге Наций, закончив речь словами: «Я уверен, что каждый, кто осознаёт положение, скажет: «Европа не может оставаться в стороне, она должна спасти эти жизни и спасти немедленно». Он назвал трагедию в Поволжье «величайшим ужасом в истории».

...Нансен лично вносит крупную сумму денег. Отказывает себе в чём только может. Ездит в третьем классе, останавливается в самых недорогих гостиницах. Уже в сентябре были отправлены первые поезда с продовольствием для России. Было спасено множество жизней.

Голод в России в 1921-22 годах (потом он повторился в 1932-33-м, и вновь были случаи каннибализма) – крупнейшая из катастроф в европейской истории после Средневековья. Она подлежит системному научному изучению и оценке.

Дефицит населения с 1920-го по 1922 год составил около 5 миллионов человек.

В 1921 году по поручению Международного Красного Креста Нансен создал комитет «Помощь Нансена» для спасения голодающих Поволжья. Свыше 40 миллионов франков частной помощи было собрано Нансеном. В Советскую Россию поступали эшелоны с продовольствием. Помогал Международный Красный Крест, американские и другие организации помощи. Уже в начале декабря Нансен приехал в Самару, побывал в детских домах, присутствовал на заседании губисполкома. Совершил поездку в Дубово-Умётскую волость. Увиденное его потрясло.

Губернский инспектор Александр Зворыкин, побывав в одном из уездов Самарской губернии, в своём докладе от 15 февраля 1922 года писал: «...Хоронят в каждой деревне один раз в 10–14 дней по 60–80 человек. За последнее время смертность дошла до 10–12 человек в день...»

Семья моего деда по матери Рябцева Ивана Дмитриевича уехала из Утёвки в Сибирь. Из восьми детей уцелели трое: моя мама и два её брата.

Есть фотографии из архива Нансена, которые сделаны в период голода в России. Это жуткие свидетельства событий давних лет нашей истории. В 1922 году Нансен был награждён Нобелевской премией. Большую часть её Нансен отдал на помощь голодающим Поволжья. Приобрёл для крестьян России две сельскохозяйственные станции.

О своих поездках в Россию Нансен писал в книге «Россия и мир». Она была издана в 1923 году. Великий гуманист и учёный через все страдания видел достойное будущее нашего Отечества. Со страниц книги звучит его голос: «Русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу».

Сколько великих умов верило в Россию и продолжает верить! Многолетнее замалчивание темы голода в России (особенно в Поволжье), ещё недавняя закрытость её, приводят к тому, что целые поколения не знают о страшных событиях. Не знают и тех, кто дал руку помощи на краю гибели.

Молодые умы, будущие учёные Билибин и Цареградский, я думаю, глубоко понимали потребность не только в наличии положительных художественных образов в литературе, достойных подражания (Мамин-Сибиряк, Джек Лондон), но и присутствие в жизни реальных людей, кумиров, дела которых – наглядный пример того, к чему надо стремиться, на кого следует походить. Было-то им всего едва за 20 лет.

Таким человеком, смею предположить, мог быть для них Нансен. При их-то темпераментах!

Сама жизнь формировала идеалы молодых. Вспомним о решении сестры В. Цареградского Татьяны, видевшей в детстве голод, пойти учиться на агронома.

...Не будем забывать и о том, что институт был всемирно известной горной школой. В первом уставе института значилось: «Учащиеся не оставят показать в науках успехи и, употребляя их к общей пользе, – доказать усердие к услуге Отечества и к пользе оного любовь».

Страна изнемогала от ударов на своём пути... Билибин и Цареградский жили в ней, дышали её воздухом...

На Алдан!

...Шли занятия, чередой сдавались зачёты, экзамены... Были успехи и на научном поприще.

Знаменитый профессор кристаллограф Анатолий Капитонович Болдырев предложил Цареградскому место ассистента, но он отказался.

...И наконец удача! В 1926 году, после того как он успел поработать на Северной Двине, предложили войти в состав геологической экспедиции (первой в его жизни) в верховья Алдана. Рекомендовал В.А. Цареградского на должность заведующего поисковыми работами в Юго-Алданском районе и дал ему положительную характеристику В.И. Серпухов. Именно он поможет ему сделать первые шаги на Алдане. К этому времени Юрий Билибин, окончив институт, уже работал в тресте «Алданзолото». Два года возглавлял съёмочно-поисковые работы в Алданском золотоносном районе. Отрабатывал методику поиска золота.

Их поездки совпали. Юрий Билибин возвращался на Алдан из командировки в Ленинград, Валентин Цареградский ехал туда же для работы в геологической экспедиции. Долгий этот путь ещё более сблизил их. Билибин был переполнен тем, к чему успел прикоснуться на Алдане. Они говорили о многом. И особенно о шлиховом¹² методе опробования рыхлых речных отложений, в которых скапливаются тяжёлые крупинки драгоценного металла вблизи разрушающейся коренной жилы золота. Россыпи образуются или на месте разрушающейся золотой жилы, или несколько ниже по течению реки. Это приводит к его накоплению. Крупинцы золота остаются вместе с другими тяжёлыми минералами при промывке на дне лотка, в «шлихе». По количеству золотинок, по их окатанности и многим другим признакам определяется наличие в русле золота, его запасы, перспективность отработки месторождения.

Совсем скоро Цареградский научится хорошо отмывать тяжёлые золотины от ненужных песчинок.

Я потому останавливаюсь на описании шлихового метода, что он позволил им впервые путём плановой промывки речного песка через определённые расстояния дать позже уже, на Колыме, удивительный успех.

...Намытые пробы после проходили доводку. Как во всяком деле, и здесь были выдающиеся мастера. Не обходилось и без курьёзов.

«На доводку золота артель выделяла опытного промывальщика, в совершенстве владеющего лотком. Процесс доводки состоял в том, что промывальщик, наполнив лоток концентратом, встряхивал его над водой, смывал шлихи так, чтобы золото оседало в поперечном желобке лотка.

Ловкий промывальщик при быстрых движениях лотком незаметно для присутствующих мог смыть часть золота с лотка и потом промыть его после контроля. Были и такие ловкачи, которые могли так манипулировать лотком, что самородки в 10–20 граммов оказывались у них во рту. Заметить это было невозможно. Один довольно опытный нарядчик сообщал об этом в контору: «Есть из старателей такие ловкачи-промывальщики, прямо фокусники. Бывает так: в лотке вижу самородок, вижу, как он его вывел на край лотка, а когда ссыпал золото для отжига в совок, самородка уже не было. Смотрел я, не отрываясь, на лоток в руках промывальщика, а когда он его подбросил вверх и поймал ртом – не заметил». (В.И. Оноприенко).

Было чему и где учиться начинающим инженерам-геологам. Как тут удержаться и не вспомнить мудрые слова о том, что человек, который не имеет заранее установленной цели, движется к печальному финишу.

¹² Шлих – отмытый осадок на промывальном лотке (концентрат из тяжёлых металлов).

Билибин уже работал на Алдане, Цареградскому ещё предстояло окончить институт, но и он с жадностью набирался на Алдане практических знаний и опыта. Помня об общей клятве в Сибирской секции геологов!

Выражаясь современным языком, Билибин и Цареградский моделировали варианты предстоящих возможных событий, связанных с осуществлением их мечты. И делали это сообща и целеустремлённо.

Эрозия неактивности

Размышляя о студенческих годах Цареградского и Билибина, задумываешься над тем, какие студенты сегодняшние. Кого мы готовим в вузах? Увы, устаёшь от того, что чаще всего видишь перед собой людей, которые учатся для «галочки». Нет, изредка, вдруг возникнут на лекции один-два студента.

– А вы почему здесь? – задаёшь вопрос.

– Да вот...

– Я же вам поставил зачёт?

– Нам хочется послушать ещё...

Такие встречи – как праздники! Азарт, жажда знаний не могут оставить равнодушным. Но это бывает редко! Чаще, увы, другое. «Эрозия неактивности» – так назвал один из моих коллег, профессор, это «другое». И эта эрозия возникает от отсутствия уверенности, что получаемые студентами знания пригодятся. Нет, увы, перспективы их применения. Едва вспомнишь Алдан, Камчатку, Магадан, полностью захватившие воображение Цареградского и Билибина, становится многое понятным.

Виноваты ли нынешние студенты? Или мы всё-таки? Их отцы и деды? Наше время, погрузив молодёжь в соцсети, оторвало многих от реальной жизни. Что может захватить их воображение? Глубины науки? Вряд ли! Всё это происходит на фоне прямой связи образовательной деятельности вузов с низким уровнем школьной подготовки. Причём преподаватели гуманитарных факультетов часто живут за счёт набора студентов на коммерческой основе. Крупные технические институты пополняют свой бюджет на основе научно-исследовательской работы, грантов. Но эти источники нестабильны...

...Подвижному интеллекту выдерживать это тяжело. А выход где? Заграница?..

Советское образование не без недостатков, но было в нём и ценное. Сейчас уже со школы приучают к шаблонным работам. Этот поток докладов и других псевдонаучных текстов захватил и библиотеки, и музеи. Везде проекты, проекты!.. А дело где?

Дошло до того, что профессора наших вузов мечтают отправить своих чад на учёбу за границу. Своих же бакалавров считают недоучившимися специалистами. Сейчас при защите дипломного проекта обязательно либо председатель комиссии, либо кто-то из членов её спросит:

– Вы определились, где будете после получения диплома работать?

Чаще всего звучит ответ:

– Нет, не знаю.

– И что намерены делать?

– Надеяться...

Такой диалог в системе классического советского образования был бы диким.

Преподаватели не знают, для кого готовят специалиста, государство не знает, куда его девать, новоиспечённый выпускник не знает, кому он нужен!

В наше время (год выпуска 1967-й) уже на пятом курсе проводилось распределение на место работы, со строгой отработкой в течение трёх лет. Молодой человек адресно попадал под опеку того предприятия, куда он направлялся. Включая предоставление места работы по специальности, жилья при необходимости и прочее. Всё – при участии государства. Не страшно ехать и в Магадан. Сейчас перспектива: в свободном дрейфе лишь бы раствориться где-либо в офисном планктоне. Хотя бы на время...

«Сено-солома»

Вначале лета присутствовал на защите дипломного проекта на тему, связанную с ликвидацией последствий массового разлива нефти. В процессе удаления нефти на почве и воде претендентка на получение диплома магистра уверенно докладывала о применении соломы. Что само по себе в известной мере правомерно. Но дёрнуло же меня, когда начали после доклада задавать вопросы, спросить:

– А каким требованиям должна в данном случае соответствовать солома? Есть какие-то нормы?

– Каким? – скороговоркой переспросила будущий магистр. – Солома – она и есть солома.

За спиной девочки-сокурсницы сдержанно хихикнули. Видимо, ответ им показался весьма находчивым.

Я не сразу отреагировал. Задал вопрос мой коллега, седовласый профессор:

– Тогда скажите: что же такое солома?

Наступила гробовая тишина.

Глядя в упор округлившимися, полными спокойной снисходительности глазами, будущий специалист дала пояснение:

– Солома? Ну, это же сухая трава!

И уверенно замолчала, полагая, что удовлетворила неуместную любознательность профессора.

Но не тут-то было. Профессор помолчал в общей тишине.

И, будто не замечая конфузливо опущенные глаза членов комиссии, остороженько так поинтересовался:

– Тогда ещё вопрос. У вас в процессе используется щебень.

Что это такое?

– Щебёнка? Это же битый кирпич, – последовал ответ.

– Какой кирпич? – удивился простовато профессор.

И получил своё:

– Белый кирпич, – уточнила, по своим понятиям, дипломница. – Щебёнка же, она... она белая!

Профессор то ли икнул, то ли так кашлянул, только получился придушенный, вовсе не академический какой-то звук... Потом странно замотал головой, будто ему в ухо залетела эта самая щебёнка...

После защиты – небольшой перерыв. Когда я вышел из аудитории, в коридоре за спиной в кругу кучкующихся болельщиц – её подруг услышал:

– Зачем Таньке это «сено-солома»? Пещерный век! Сидит она в своём туристическом офисе и пусть сидит...

«Действительно! Зачем это ей?» – отозвалось во мне.

А вот Билибину и Цареградскому надо было часами стоять в холодной воде с промывочным лотком, постигая азы профессии, учиться понимать тонкости, которые всегда есть даже в самом простом деле. А тут?..

* * *

Спрашиваю себя не в первый раз: зачем я, книжный червь, которому уже давно за семьдесят, перечитываю пожелтевшие дневниковые записи, научные статьи, далёкие от моей нефтехимии? Зачем ворошу воспоминания свидетелей и участников давних событий? Ответ один. Он прост: мне интересно!

Интересно порой по-мальчишески! Как это было? А это? А то? Ведь были эти события, о которых пишу, почти сто лет назад! А некоторые – более чем сто?.. И они надолго определили наше поступательное движение вперёд: в науке, в практике, в жизни...

Глава 3

Из предыстории колымских экспедиций

У истоков большого золота

Начало системной добыче золота было положено на Ближнем Востоке (в III веке до нашей эры). Оттуда золотые украшения поставлялись в Египет. Считается, что впервые золотой промысел в России возник на Урале¹³. Золото здесь впервые нашёл в первой половине XVIII века Ерофей Марков. Искал горный хрусталь, а обнаружил кусок кварца с прожилками и крупинками золота.

По распоряжению казённой Горной канцелярии место, указанное Марковым, обследовали. Золота не обнаружили. Ему удалось всё же в 1747 году вместе с пробирным мастером Рюминым вновь «открыть» Берёзовское рудное месторождение, начать добычу его. Позже было найдено золото на Алтае.

В 1812 году разрешили промыслить золото частным лицам. Оно было обнаружено в Енисейской тайге, в Кузнецком Алатау, в Забайкалье. В 1843 году богатейшие россыпи нашли у притоков Лены – Витима и Олёкмы. Возникла золотая лихорадка. После были открыты богатые россыпи по реке Бодайбо.

Вначале золото добывали мелкие промышленники. На смену пришли богатые иркутские купцы и петербургские банкиры. Но явились английские капиталисты. К 1910 году все прииски на Лене уже принадлежали английской компании «Лена голдфилдс». Иностранные золотопромышленники нещадно эксплуатировали рабочих.

Тем временем обнаружили месторождения в Баргузинской тайге, в Якутии, Казахстане, на Дальнем Востоке, в Приамурском крае, по рекам Зее, Селемдже, Бурее и Амгуни. Вскоре начали промыслить золото в Приморье и около Охотска.

¹³ Есть сведения, что первое открытие природных запасов золота было сделано в 1732 году в Архангельской губернии. Золотую жилу начали разрабатывать в 1745 году. Рудник с перерывами действовал до 1794 года. Он дал всего около 65 кг золота.

Страницы прошлого Колымы

До второй половины 1929 года побережье бухты Нагаева, включая сухопутное пространство за ней до Северного Ледовитого океана, так называемый Колымский край, представляло собой сплошной горно-таёжный массив, пересекаемый многочисленными реками. Ближайшие к бухте населённые пункты располагались на побережье Охотского моря: село Ола – в 30 километрах на восток, село Армань – в 40 километрах на запад. В них было по несколько десятков жителей.

А уже к концу 1933 года бухта Нагаева стала иной: «Население Нагаево-Магадан составляло около 3 тысяч человек вольнонаёмных рабочих и служащих и членов их семей, жилая площадь (без учёта палаток и бараков заключённых) – 11 122 квадратных метра. В посёлке насчитывалось 8 «стандартных комнатных домов», 8 «стандартных квартирных домов», 67 «рубленых домов», 22 барака, 104 каркасных и прочих мелких домов. «Квартал стандартных домов» был оборудован «центральной отоплением» и водопроводом. Кроме этого, вступил в эксплуатацию так называемый глинобитный городок в составе «десяти глинобитных домов площадью 3 334 кв. метра». «Всё это делает Нагаево-Магадан, – говорилось в отчёте Дальстроя за 1933 г., – населённым пунктом городского типа, почему дирекцией и возбуждено ходатайство о присвоении посёлку названия – «город Магадан» (тунгусское – «наносы моря», «Магадан» – искажённое русскими название)». (Александр Глущенко. «Колымский хронограф»).

А начиналось всё при первом из царей Романовых – Михаиле Фёдоровиче, когда произошло присоединение к России Нижнего Урала, Прибайкалья, Якутии и Чукотки и был открыт выход к Тихому океану. В 1632 году енисейский сотник Пётр Бекетов с 30 казаками покорил якутов. Обложил ясаком и заложил Якутский острог. Примерно тогда же отряд мангазейцев под начальством Васильева дошёл до Лены-реки.

Десятник Буза вместе с промышленниками в 1637 году добрался до западного устья Лены, откуда, направляясь по морю на запад, достиг устья реки Оленёк.

В 1638 году основан был Верхоянск. Тогда же атаман Максим Перфильев достиг устья реки Ципы, а неутомимый Буза снова спустился по Лене, выйдя в океан её восточным устьем, дошёл до устья Яны. В том же 1638 году казак Постник добрался до реки Индигирки и основал зимовье. Спутники его в 1639 году на двух выстроженных ими кочах спустились по Индигирке в Северный Ледовитый океан и добрались до устья Алазеи... В 1644 году казак Михаил Стадухин достиг морем устья Колымы и заложил в 150 верстах от него Нижне-Колымское зимовье. Позже русские прошли вверх по реке и построили остроги Собачий (нынешний Средне-Колымск) и Верхне-Колымский. Мезенец Игнатьев в 1644 году пошёл по морю к востоку от устья Колымы, достигнув Чаунской губы. Там он торговал с чукчами, вернулся в том же году обратно морским путём.

...Новая открытая земля радовала немеренным богатством. Чёрным соболем, красной лисицей, песцом изобиловал край. Но довольно скоро соболи были почти полностью истреблены. Необычный край стал малоинтересен. Холодная, как казалось, пустынная земля, заброшенные поселения, основанные Михаилом Стадухиным: Верхний, Средний, Нижний острожки, превратили в места ссылки. Познания о «местах весьма отдалённых» ограничивались исследованиями политических ссыльных.

Первые, как мы теперь знаем, самые общие, но ценнейшие научные сведения о неизвестном крае, преодолев маршрут от Якутска до Верхнеколымска, дал Иван Дементьевич Черский. Его записки должны были лечь в основу отчёта Петербургской академии наук, которой он был командирован в 1891 году.

На две с половиной тысячи километров протянулась многоводная Колыма. Конечно, один маршрут Черского не давал представление о бассейне этой реки, занимавшем более полу-

миллиона квадратных вёрст. Тем не менее... Черский обнаружил залежи каменного угля в районе Зырянки. Кто мог думать тогда, что дикий, суровый край таит такие богатства, что его назовут золотым? Для того чтобы добраться до богатых кладовых полудикого края, предстояло выполнить огромного масштаба работы. Это возможно было только специальному тресту. И такая организация была создана. Но значительно позже. До этого будут осуществлены геологические экспедиции, достигшие небывалых успехов.

...В 1926 году приступила к работе геологическая экспедиция по изучению полезных ископаемых Колымы и Индигирки под руководством С.В. Обручева. Была составлена первая схема части бассейна рек. В этом же и последующем годах проводится первая перепись населения Чукотки.

Благородный металл

Что же это за металл, который так манит, притягивает к себе людей? И который так дорого достаётся...

Об этом металле, кажется, всё уже известно.

Золото – элемент 1-й группы периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева, с атомным весом 79. Простое вещество – благородный металл жёлтого цвета. Мягкий, ковкий. Очень тяжёлый, плотность чистого золота равна $19,32 \text{ г/см}^3$. Сопоставимую с золотом плотность имеет вольфрам (19,25). Высокая плотность золота облегчает его добычу. Даже простая промывка на шлюзах обеспечивает достаточную степень извлечения золота из породы. Золото высокопластично. Оно может быть проковано толщиной до $\sim 0,1 \text{ мкм}$ (100 нм) – сусальное золото. Температура плавления – $1064,18^\circ\text{C}$, кипит при 2856°C . Золото – один из самых инертных металлов. При нормальных условиях не взаимодействует с большинством кислот и не образует оксидов, поэтому его относят к благородным металлам.

Поскольку сразу после своего возникновения Земля была в расплавленном состоянии, почти всё золото в настоящее время на Земле находится в ядре. А то, что сегодня присутствует в земной коре и мантии, согласно новой теории доставлено астероидами во время поздней тяжёлой бомбардировки.

За всю историю человечества добыто около 161 тысячи тонн золота. Если сплавить всё это золото воедино, получится куб со стороной примерно 20 м.

Россия по добыче россыпного золота занимает первое место в мире. Основная его часть добывается в семи регионах: Амурская область, Забайкальский край, Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Иркутская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

В настоящее время около 10 % золота мира находится в промышленных изделиях, остальное приблизительно поровну – в централизованных запасах (стандартные слитки химически чистого золота) и в частной собственности в виде слитков и ювелирных изделий. Золото широко используется в стоматологии, фармакологии, микроэлектронике (золотые проводники и гальванические покрытия золотом контактных поверхностей, разъёмов, печатных плат).

Золото применяется при покрытии зеркал, золотые припои используются при пайке металлов, в технике сверхвысокого вакуума и т. д.

Широко используется золото в качестве защиты неблагородных металлов от коррозии.

Ювелирная промышленность – самый крупный потребитель золота. Ювелирные изделия изготавливаются не из чистого золота, а из его сплавов, превосходящих его по механической прочности и стойкости. Для этого служат сплавы Au-Ag-Cu, они могут содержать добавки цинка, никеля, кобальта, палладия. Золото в сплавах определяет стойкость к коррозии, а соотношение серебра и меди – цветовые оттенки и механические свойства.

Важнейшей характеристикой ювелирных изделий является их проба, которая напрямую связана с содержанием в них золота.

Немало написано о золотых украшениях. Но ювелирные познания особо не завораживают.

* * *

Довольно долго в истории человечества золото служило в качестве универсального средства расчётов. Только в ходе Первой мировой войны монетарные операции с золотом были прекращены.

Во время Второй мировой войны, в 1944 году, на Бреттон-Вудской международной финансовой конференции золото было окончательно исключено из денежного обращения. Роль золота определялась лишь в качестве государственного резерва на случай погашения возможных дефицитов платёжных балансов. Золото стало мерилом национального достояния, окончательным запасным активом.

В условиях конъюнктурных колебаний золото способно обеспечивать устойчивость экономики страны. Отсюда – забота о его производстве, включая геологоразведку, саму добычу металла, обработку, хранение и так далее.

Управление золотыми резервами, экспорт благородного металла, оборот золота в качестве одинакового актива – важнейший сектор экономики страны, который в силу его специфики остаётся одним из наиболее информационно закрытых её секторов.

* * *

В период царствования Екатерины II казённые заводы перешли в частные руки. Золотодобывающие предприятия превратились в акционерные общества. К концу XX века появилась опасность для национальной экономики: стратегический ресурс золота, концентрация его производства оказались в частных руках, контролируемых иностранным капиталом.

* * *

После революции 1917 года была утрачена значительная часть золотого запаса, составившего около 1 340 тонн.

В период Первой мировой войны большая его часть была перевезена в Великобританию в качестве залога полученных военных кредитов.

Позднее из России вывезли золото царской семьи, золото адмирала А.В. Колчака, атамана Г.М. Семёнова, немало получила Германия по Брест-Литовскому мирному договору 1918 г.

Предстояла грандиозная работа по восполнению и умножению утраченного потенциала.

Дореволюционный запас иссякал. На 1 февраля 1922 года в стране золота оставалось на 217,9 млн золотых рублей.

...Создание Торгсина и продажа за рубеж произведений искусства не увенчались успехом. Страна получила не более 232 тонн золота. Это помогло оплатить только часть импорта промышленного оборудования, но и только.

Вот почему так важны были экспедиции на дальний север – на Колыму, где открытие золота могло значительно улучшить экономику страны и ускорить её индустриализацию.

Валентин Александрович Цареградский вспоминал: «Незабываемые годы первых пятилеток. Днепрогэс, Магнитка, Кузбасс... Стройки, стройки по всей стране. Небывалый энтузиазм советских людей. И знаменательно, что именно в эти годы грандиозных преобразований, охвативших всю страну, началось интенсивное освоение северо-восточных окраин нашей Родины. В самые отдалённые районы Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера одна за другой организуются крупные геолого-разведочные экспедиции. В их числе в 1928 году – Первая Колымская геолого-разведочная экспедиция Геологического комитета ВСНХ под руководством Ю.А. Билибина, отличные результаты которой, да и последующие открытия, явились основой для развития на Северо-Востоке страны крупной современной горнодобывающей промышленности. Последующие – Вторая, Третья Колымские геологические экспедиции в 1930-м и 1933 годах и Четвёртая Индигирская в 1937 году продолжили планомерные исследования на Северо-Востоке. Они подтвердили прогноз Ю.А. Билибина и других исследователей и стали основой ускоренного промышленного освоения этого края».

Результаты колымских экспедиций под руководством Ю.А. Билибина и В.А. Цареградского позволили открыть промышленную добычу золота, помогли стабилизировать экономику всей страны в период коллективизации, в предвоенные и военные годы. Уже в середине 30-х годов прошлого столетия деятельность треста «Дальстрой», который монопольно вёл добычу на Северо-Востоке страны, приобрела многоотраслевой характер. По мере увеличения открытых месторождений шёл рост числа горнопромышленных предприятий. Если до 1935 года добыча золота не превышала 15 тонн в год, то уже в 1936 году она составила около 30 тонн в год. В последующие годы (37-й, 38-й, 39-й...) добывалось золота в год не менее 50 тонн. Рекорд был установлен в 1940 году, когда было добыто за год 80 тонн¹⁴. Это составляло около половины всей добычи золота в стране.

Впереди была война. Великая Отечественная...

В деле коренного перелома (1943 г.) в ходе Великой Отечественной войны есть доля вклада и колымских золотодобытчиков. В военное время золота ими добывалось не менее 70 тонн в год. Этот вклад содействовал в том числе и ускорению открытия второго фронта, обеспечив подтверждение платёжеспособности Советского Союза.

* * *

Что такое золото, возможно, я полнее пойму, когда узнаю как можно больше о его поисках и добыче, о людях, которые связали свою судьбу с этим магическим металлом, так думал я, когда держал в руках очередную с трудом добытую книгу. Не художественную. Мне по-прежнему нужны и важны воспоминания участников экспедиций, их друзей и родственников, статьи учёных, в которых на первом плане были бы не удачно придуманные сюжеты, как говорил ранее, а его величество факт – вещь в жизни часто фантастическая! Особенно когда человек сталкивается с неизведанным. Мне интересен человек не придуманный, а живой, конкретный...

Сейчас я рад каждой открывающейся мне возможности больше узнать о геологах... Сколько ещё встреч будет у меня, пока я от «истоков золотой реки», а вернее от берегов Волги, проплыву в своём путешествии по всему руслу судьбы, точнее судеб ставших близкими мне людей...

...Оттолкнувшись от истока – места рождения и детства Валентина Александровича Цареградского, я попал в многошумный, многоликий поток... Порой мне кажется, что, когда я двигаюсь по руслу огромной реки, те, кто остался на берегу, машут мне прощально рукой. И смотрят испытующе: что я скажу об их жизни? О всех. И о каждом в отдельности...

¹⁴ В.Г. Зеляк. «Золото для победы: горнодобывающая промышленность Дальстроя в годы войны».

На Алдане

О наличии золота в бассейне реки Алдан было известно со времён первых экспедиций русских горных инженеров середины XIX века, затем Томмотских экспедиций 1917 года. Ещё в 1912 году партия зейского золотопромышленника Опарина обнаружила и застолбила по Орто-Сале золотоносные участки. Но Первая мировая война помешала проведению детальной разведки.

Только перед Октябрьской революцией Опарин смог послать разведочную партию. В неё входил один из первооткрывателей алданского золота Степан Флусов. Он вёл разработки на реке Томмот, где трудились до этого копачи.

О наличии золота на Алдане сообщил Пятой Сибирской Красной армии именно Степан Флусов. Позже нарком тяжёлой промышленности СССР Серго Орджоникидзе назначил ему за счёт Наркомата пожизненную персональную пенсию.

В марте 1921 года по направлению Зейского горного управления С.И. Флусов вместе со своим старшим сыном Сергеем и бригадой старателей отправился на Усмун. Разведка была удачной. Около устья ключа Лукового обнаружили в русле Томмота богатое рассыпное золото. За лето 1921 года артель добыла 16 фунтов золота.

С.И. Флусов являлся участником всех опаринских партий. Он бывал на Томмоте не один раз. Во главе экспедиции из 8 человек, работая в верховьях руки Орто-Салы, он составил первый глазомерный план месторождения с соответствующими на нём записями по опробированию.

Отдел снабжения 5-й армии ДРВ (в марте 1922 г.) по данным разведки Семёна Флусова послал партию на Томмот в составе 70-ти человек с целью добычи золота. Проводником пошёл Марьясов со своей семьёй (жена и пятеро детей). Экспедицию постигла трагическая участь. Близ речки Эрге (60 километров восточнее современного посёлка Хатыми) бандиты перестреляли значительную часть работников партии. Перед этим они совершили набег на Тырканду, где велась хищническая добыча золота, в основном китайцами.

Марьясову удалось сбежать и сообщить о случившемся. Посланный отряд не догнал бандитов и вернулся назад. Бандиты потом долго бесчинствовали в тайге.

Существует распоряжение № 72146 управления золотоплатиновой промышленности «Главзолото», направленное в июне 1934 года управляющему трестом «Якутзолото» Щербинину, в котором говорится: «На прииске Самодумовском проживает один из первооткрывателей Алдана т. Флусов Степан Игнатьевич. Выдайте ему единовременно 3 000 рублей, зачислите с семьёй на снабжение по категории забойщика 1-й категории, а также выдайте ежемесячное денежное пособие в размере 250 рублей в месяц. Начальник «Главзолото» Серебровский».

Тогда же С.И. Флусову был вручен знак «Стахановец золотоплатиновой промышленности», он избирается членом президиума райисполкома.

В 1937 году выдающийся организатор советской золотодобывающей, а ранее и нефтегазовой промышленности, начальник «Главзолото» Александр Павлович Серебровский, много сделавший для развития Якутии, был расстрелян. Его славное имя надолго забыли. Сказалось знакомство с Серебровским, его покровительство и на добром имени С.И. Флусова. Забыли и о нём как об одном из первооткрывателей золотого Алдана. Его лишили многих заслуг.

А он жил и работал. Вырастил восьмерых сыновей, дочку. Каждый из них получил доступное образование. Сын Сергей и внук Аркадий стали геологоразведчиками. Младший сын, Вениамин, стал одним из первых лётчиков Алдана. Он награждён за боевые заслуги орденами и медалями.

С.И. Флусов умер в возрасте 70 лет, возвращаясь из тайги. Правнуки одного из первооткрывателей золота, много пережившего и повидавшего, исследовавшего благодатный край ещё до официального открытия Алдана, и сейчас живут на алданской земле.

«Говорить о добывающей промышленности нашей – значит говорить не о самой промышленности, которой почти нет, а о причинах её отсутствия. Огромнейшая из губерний России, Якутия, занимающая площадь до трёх с половиной миллионов квадратных вёрст, до сих пор представляет собой закрытую кладовую, наполненную богатствами. Двери этой кладовой Российское государство не удосужилось открыть за три века владения краем и лишь изредка пыталось искать дорогу к этим дверям. В результате до сих пор Якутский край представляет необследованную и обособленную страну, не связанную с миром современными путями сообщения... Только добыча золота и платины может выносить наше бездорожье, да и то при высоком содержании месторождений... Добыче золота суждено играть огромную роль в жизни края... золото обнаружено во всех уездах губернии. Наиболее крупная добыча производится рядом со всемирно известным Витимским районом, входившим ранее в пределы Якутской губернии, в бассейне Олекмы. За последние годы началась добыча на большом протяжении р. Виллюй. Уже давно зародилась золотопромышленность в Якутском уезде, в верховьях Тимптона, а за последнее время начали открываться прииски по Алдану и притокам Тимптона, вблизи его устья... В уездах Колымском и Верхоянском добыча пока не производится, если не считать случайных старателей, но присутствие там золота установлено. Вообще же по размерам своим Якутский край является известным золотоносным районом в мире».

Так ещё в 1922 году писал видный деятель молодой Якутской республики Алексей Алексеевич Семёнов в первом номере журнала «Красный Север». То есть задолго до официального открытия золотого Алдана, за десять лет до открытия золота на Колыме.

Золотой Алдан ждал своих первопроходцев, которые дадут начало промышленной добыче золота.

Пробойный Вольдемар

Колоритнейшая фигура – внешне похожий на богатыря борца Ивана Поддубного, большой энтузиаст развития золотодобывающей промышленности Якутии и Сибири Вольдемар Петрович Бертин много сделал для освоения богатейшего края. Он участник Ленских событий 1912 года, октябрьских вооружённых событий в 1917 году в Москве, гражданской войны в Сибири и Якутии. Краткие очерки его жизни похожи на головокружительные, остросюжетные эпизоды приключенческой повести. С его твёрдой руки началось промышленное освоение Алдана.

Легендарный золотоискатель родился 23 января 1888 года в семье бедных латышей Петра Петровича и Елизаветы Мартыновны Бертиных на хуторе Иллукстах Курляндской губернии. Пётр Бертин работал путевым сторожем на железной дороге. Когда его уволили и работы найти не удалось, подались в Сибирь. Устроился глава семьи рабочим на строительство Транссибирской железнодорожной магистрали в Каинске Томской губернии.

В семье семеро детей, заработка едва хватало. В девять лет отец отвёл Вольдемара в церковноприходскую школу. Уже через год сын бойко читал. В пятнадцать лет он начал работать учеником слесаря на станции Ункунар Китайской Восточно-Сибирской железной дороги. В 18 лет Вольдемар – хороший слесарь, механик на винокуренном заводе. Но хотелось знать и видеть больше, манили новые места.

Слух о Ленских золотых приисках будоражил. Вольдемар подался в Бодайбо. Далее события в его жизни чередуются, как в калейдоскопе. Три года проработал слесарем в Бодайбо, меньше года трудился в Киренске в пароходстве золотопромышленника Громова. Не выдержав невыносимых условий, ушёл. Подался в старатели на прииски, владельцем которых было английское общество «Лена Голдфилдс» (70 % акций Ленского золотопромышленного товарищества «Лензолото»). Тёмные, сырые бараки, отвратительное питание, ещё хуже отношение к рабочим. Забастовка охватила за несколько дней весь золотопромышленный район.

4 апреля около трёх тысяч рабочих пошли к конторе прииска просить об освобождении арестованных. Вместе со всеми шёл и В. Бертин. По рабочим открыли огонь. Было убито 270 и ранено 250 человек.

...Июнь 1914 года. Правительство объявляет о вступлении в войну. Получил повестку и Вольдемар. Умирать за царя-батюшку, по приказу которого расстреливают рабочих, Вольдемар не собирался.

Переходил с прииска на прииск. Трижды менял фамилию. Но выследили – просидел в Бодайбинской тюрьме семь месяцев. Вышел весной 1915 года на свободу и подался в Охотск, где открыли в то время золотоносный район.

В 1916 году его забирают в армию. Проехав через всю Россию в вагоне с новобранцами, оказывается на передовой.

Далее, после Февральской революции: участие в революционном движении, перевод в Москву. Бутырская тюрьма. Освобождение.

Бертин становится красногвардейцем, участвует в ключевых военных событиях в Москве. После Октябрьской революции – Дальний Восток. А там бушевали интервенты. Следует арест, «вагон смерти» – походная гауптвахта атамана Калмыкова.

Били в тюрьме крепко. Но освобождение пришло. Помог старый якут, охотник Иванов. Старик пообещал принести белому офицеру четыре фунта золота, если пятерых охотчан, в том числе и Бертина, выпустят на волю. Но если Бертин умрёт, то старик не принесёт ни грамма золота.

Алчный офицер согласился и часть своего обещания выполнил. Охотчан перевели из «вагона смерти» в Хабаровскую тюрьму. Когда отряды Красной армии освободили город от

белогвардейцев, арестованных выпустили. Остальных узников «вагона смерти» белогвардейцы расстреляли на берегу Амура.

Белый офицер, избивавший в тюрьме В. Бертина, попал в руки партизан. Товарищи предложили В. Бертину расквитаться за его зверства. Он ответил:

– Не буду пачкать руки об эту мразь.

Партизаны расстреляли надзирателя.

В Чите в это время в застенке у белогвардейцев маялся младший брат Вольдемара – Эрнест Бертин...

...Хабаровск пришлось покинуть: в начале апреля японцы захватили Уссурийский край и Приморье. С отрядом красных партизан В. Бертин перебрался на правую сторону Амура.

О семье он ничего не знал. Не знал, кто родился у него: сын или дочь? Витали слухи, что в Охотск приходила японская канонерка и обстреляла посёлок, многих охотчан каратели убили. Жива ли семья? К счастью, встретил знакомого, который шёл с женой Татьяной Лукьяновной из Охотска в Якутск. Узнал, что жена и дети живы.

Надо пробираться в Якутск. Но через Читиную дорога закрыта: там свирепствовали семёновцы. Один путь свободен – через глухую алданскую тайгу...

Появился В. Бертин в Якутске в конце апреля. Худой, измождённый, полураздетый, в раскисших коровьих торбазах.

Пришедший вместе с ним эвенк говорил:

– Мужик он мировой, пробойный! Только шапчонка шибко худой на нём.

* * *

Впереди опять была напряжённая, активная работа. В том числе и личное участие весной 1921 года в боевых операциях против банды Бочкарёва.

* * *

Дома жена Татьяна в день встречи спросила:

– У тебя бельё есть? Помыться бы надо с дороги.

– Есть.

– А где?

– Да всё, что есть, на мне.

Сшила она ему гимнастёрку, шинель нашлась в больнице. Не было шапки и ремня.

Вольдемар Петрович после освобождения из тюрьмы сильно ослаб. Болела от побоев голова, болели ноги. Он «весь болел», но скрывал это от окружающих. Ноги одолевали спазмы, он прихрамывал. Подскакивала часто температура. И всё же он не мог бездействовать. Отдохнул два дня Вольдемар Петрович и направился в военкомат. Там взглянули на документы и говорят строго:

– Что же это вы, товарищ Бертин, гимнастёрку распустили, пришли без ремня?

– Если вы мне дадите ремень, тогда я буду подпоясан.

Посмеялись. Выдали ремень и шапку. Вновь приняли его в партию и поручили заведовать артиллерийскими складами и мастерской по ремонту оружия штаба войск Якутии.

Приняли в партию В.П. Бертина в 1921 году, а в марте 1922 года он уже член Президиума Якутского губернского бюро РКП(б) и депутат Якутского городского совета первого созыва.

На первой Якутской конференции В.П. Бертин убеждённо ратовал о необходимости начать разведку и добычу золота, для чего надо было наладить работу транспорта. «Только на золото, – говорил он, – за граница продаст республике машины. Значит, надо его добыть».

Он настоятельно просит Якутское правительство снарядить экспедицию для разведки золота в бассейн Алдана.

Трудовая артель

...Только после марта 1923 года, когда был разгромлен отряд генерала Пепеляева, двинувшегося на Якутию, намечаются планы по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. В. Бертину помогали его опыт, знание людей и тайги. Обком партии поддержал инициативу В. Бертина по освоению Алдана. Много позже он вспоминал: «В конце 1922 года я встретился с Николаем Константиновичем Марьясовым, который не раз бывал в районе Томмота. Помня рассказы эвенков, я стал расспрашивать его о золоте. Марьясов сообщил нам, что золото по Томмоту было обнаружено эвенками ещё в 1912 году. Слухи об этом дошли до золотопромышленника Опарина, который незадолго до войны направил туда поисковую партию, в состав которой входил и Марьясов. Несмотря на то, что в отдельных местах были установлены признаки золотоносности, поисковые работы в связи с начавшейся империалистической войной были прекращены. Однако отдельные группы старателей добивались до этого района и, по слухам, с успехом мыли золото. Одной из таких групп руководил Степан Флусов со своим сыном Сергеем.

В ноябре 1919 года Марьясов вторично был вместе со своим сыном Николаем и Филиппом Яковлевичем Викторовым в верховьях реки Томмот. Там они вели ковшовые разведочные работы, на косах и в русле реки Томмот взяли пробы с хорошим содержанием золота».

Надо действовать. Но для организации работ не было ни специалистов горного дела, ни средств. И тогда в 1923 году В.П. Бертин решил организовать «Первую якутскую трудовую артель по добыче золота». Получил в Наркомторгпроме ЯАССР денежную ссуду в размере десяти тысяч рублей, необходимую для комплектования артели одеждой, инвентарём, аренды транспорта, приобретения продовольствия. Все открытые золотоносные площади артель должна была заявлять на имя Наркомторгпрома.

Героическая личность, Вольдемар Бертин лично сам набирал в отряд смелых и решительных людей из бывших красноармейцев, опытных старателей, красных партизан. Со многими он воевал в Якутии против белых. Были приняты двадцать два человека разных национальностей. Среди них – русские, якуты, латыш, эстонец, татары. Получили винтовки, наганы, гранаты. Якут Марков, с которым Бертин был знаком, когда добирался с Амура, выслал в Якутск за отрядом 30 подвод, 40 оленьих нарт, подготовил необходимое к приезду отряда в Джеконду.

...На Алдан отряд прибыл в самом начале 1923 года. В. Бертин потом вспоминал: «Опасаясь бандитов, артель, начиная от Джеконды, шла походным порядком, в авангарде на порожних нартах ехала вооружённая группа, сзади, на некотором расстоянии, следовал основной состав артели. На ночь выставлялось сторожевое охранение.

Ехать пришлось всё время по целине. По мере удаления от Лены снег становился всё глубже и глубже. Начиная от устья Селигдара, артель была вынуждена протаптывать дорогу на лыжах, за лыжниками сначала шли олени с порожними нартами, а уже за ними – с гружёными.

Становилось всё теплее и теплее. Олени были не в силах идти по разжиженному снегу, и 30 апреля артель была вынуждена прекратить дальнейшее продвижение. Мы остановились на берегу реки Орто-Салы в 18 километрах ниже устья ручья, впоследствии названного нами Незаметным...

...Начиная от Джеконды вплоть до места остановки на реке Орто-Сале, нами не было встречено даже признаков присутствия человека. Вокруг простиралась глухая, безжизненная тайга. Отсутствовали даже звери и птицы, вынужденные вследствие необычно глубокого снежного покрова покинуть эти места и перекочевать в район с более мелким снегом.

Первое мая мы отметили коротким митингом и салютом из винтовок. На этой стоянке построили дом, амбар, баню и небольшой ледник для хранения продуктов. Дней через десять-пятнадцать после нашего прибытия мимо нас по противоположному берегу Орто-Салы, вверх

по реке, проследовала небольшая группа эвенков, среди которых, как мы узнали впоследствии, находился якут Тарабукин.

Одновременно со строительством помещений, используя последние дни санного пути, вывезли на берег Орто-Салы некоторое количество сосновых брёвен для сооружения ковшового парома. Дождавшись спада весенних вод, построили паром и начали разведочные работы в русле Орто-Салы».

...Поблизости бродили остатки банды, учинившей год назад расправу над старателями и красноармейцами. Пришлось укреплять жильё дома. Устроили в домах бойницы, возвели двойные стены. В сторону реки соорудили тайный выход. Ввели военное положение, усилили круглосуточную охрану. Не столько трудовая артель, сколько боевой отряд действовал в тайге.

Десять человек промывали пески, но золота было мало. Решено было отправляться на поисковые работы вверх по Орто-Сале.

Старатель Тарабукин

Дальнейшие события развивались причудливо. Когда разведчики вернулись на базу, появился якут Гавриил Лукин. Далее я дословно буду приводить свидетельства из очерка Л. Ермаковой «Бертин»:

«...Якут поговорил о том о сём, а потом как бы невзначай и говорит Бертину:

– Однако, золотишко есть. Много золота.

– Да, золото где-то недалеко, мы брали пробы сегодня, думаем и завтра продолжить поиски.

– Зачем искать? – удивился Гавриил. – Я знаю где, там уже Тарабукин моет.

И рассказал Лукин, что по ключу, который совсем высох, моет золото якут Тарабукин и с ним несколько эвенков. А что золото, действительно, богатое, Лукин своими глазами видел.

– Только торопитесь, а то Тарабукин уже послал за своими людьми на Тырканду, – предупредил старый таёжник.

Не тратя времени, Бертин, Нисковских и Владимиров верхом на оленях выехали к высохшему ключу. Пробираясь сквозь чащобу, они прошли вверх по ручью километра полтора и вышли на небольшую полянку. Здесь стояла палатка, горел костёр, на котором готовилась еда. Несколько человек на берегу ручья, где в углублении сохранилось немного воды, мыли золото на «американке» (примитивное промывочное устройство). Шурфов, выработок не было, мыли золото наносное. Вольдемар Петрович и его спутники поздоровались. Бертин спросил:

– Кто Тарабукин?

Отозвался небольшого роста якут, средних лет. Бертин попросил у него разрешения произвести съёмку золота с «американки». Тарабукин разрешил. Результаты съёмки были неплохие: с 25 лотков породы 8 золотников (золотник составляет 4 грамма 220 миллиграммов). Очень довольный съёмкой, Бертин велел спутникам кипятить чай, а сам стал производить опробование лотком. Каждый лоток давал богатое золото.

Вскоре закипел ароматный чай. Вольдемар Петрович пригласил к своему костру Михаила Прокопьевича Тарабукина. Рассказал о своей артели, о том, что на поиски золота их послало Якутское правительство, сказал, что они будут работать на этом ключе.

Бертин расспросил Тарабукина, кто он, откуда пришёл в эти места. И тут выяснилось, что пришёл он сюда почти одновременно с артелью, проходил с женой и родичами мимо стана Бертина на Орто-Сале. Ручей этот ему показали родственники жены, буягинские эвенки. Тарабукин рассказал, что он родился в 1882 году в Таттинском районе. В 16 лет остался сиротой, ушёл из родного наслега, подался в Бодайбо, где работал старателем почти десять лет...»

Немногословен был якут, а поведал немало:

«...До вашего прихода мы уже намыли около ста сорока золотников, – сказал Тарабукин Бертину.

– Хорошо. Продолжай свою работу. И мы тоже будем перебираться на этот ручей.

После чая Бертин и его спутники прошли вверх по ручью и обнаружили, что пробы становятся всё богаче.

Вольдемар Петрович позже рассказывал:

«Наиболее богатые пробы оказались на расстоянии около километра от того места, где мыли золото Тарабукин и эвенки. Здесь мы заложили линию в несколько шурфов, которые показали хорошее промышленное золото. На этом месте было решено приступить к золотодобыче. Часть членов артели приступила к организации добычных работ, а остальные занялись транспортировкой с Ортосалинской базы продовольствия и снаряжения. Мы переносили их на себе в котомках».

На ручье Незаметном

«...23 июня 1923 года артель окончательно перебралась на новое место. Провели собрание, на котором решили назвать ручей Незаметным. На скорую руку выстроили барак на всю артель и приступили к работе, вели разрез. В ручье не было воды, стояла засуха. Артель сделала водохранилище в русле ручья и пробила бортовые канавы из тайги для притока воды. Подготовительные работы продолжались 15 дней. Затем приступили к промывке песков. Со всей вскрытой площади разведчики добыли несколько десятков фунтов золота, промывка сильно сдерживалась отсутствием воды, но это уже не беспокоило артель. Месторождение было богатое, золота получили немало, можно было докладывать Правительству о выполнении задания.

4 августа Бертин, уполномоченный Наркомторгпрома Нисковских, член артели Сокикас и ещё два человека из группы Тарабукина выехали в Якутск. Опасаясь нападения бандитов, они взяли с собой оружие. Уже впоследствии Бертин узнал, что на их пути, возле переправы через реку Амга, была засада, но, увидев, что группа хорошо вооружена, бандиты не решились напасть на них.

Бертин и его товарищи благополучно добрались до Якутска. Их появление в городе всех обрадовало. Почти полгода от них не было никаких вестей. Ходили слухи, что всю артель переправили.

Приехал Вольдемар Петрович домой, дверь открывает, а ребятишки в рёв:

– Чужой дядя пришёл!

Жена Татьяна еле узнала Вольдемара. За это время у него выросла большая борода.

Добытое золото Бертин сдал Наркомторгпрому, был составлен документ, который гласил:

«...впредь до организации в ЯАССР горного надзора и прибытия его представителей на места разрешить 1-й трудовой артели по добыче золота, не производя установленного отвода, разработку золотоносной площади, не выходя к ключу, названному артелью «Незаметный», впадающему в речку Орто-Сала с правой её стороны... Прииск назван «Незаметный». Границы его обозначены следующими явочными знаками: починный столб толщиной в три вершка сырсстойного лиственнного леса поставлен в 13 шагах от речки Орто-Сала и в 10 шагах от правого берега ключа. Вверху столба вырезано: «П.П.Н.К.Т.П». Ниже написано: «Настоящая местность заявлена 1-й трудовой артелью по добыче золота в пользу Наркомторгпрома ЯАССР тысяча девятьсот двадцать третьего года июня двадцатого дня» – и дальше вырезано ножом: «19/VI – 23 года». В одной сажени выше столба выбит «приёмок». Вокруг столба редкий крупный лиственничный лес. Второй столб, т. е. окончательный пункт границы прииска «Незаметный», поставлен на 4 верстах по течению».

Вольдемар Петрович был назначен на Незаметном уполномоченным Наркомторгпрома. Обговорив все дела, особенно о снабжении продовольствием, вместе с Иваном Карловичем Сокикас стал собираться в обратный путь. На прощание сказал жене: «Приезжай, Танечка, на Незаметный. Как путь зимой установится, так и приезжай».

...А на Незаметном разворачивались свои события. Банды волчьими стаями бродили по тайге. Когда бандиты узнали, что В. Бертин уехал в Якутск, они напали ночью на вьючный транспорт якута Устинова и его спутников, доставляющих старателям мясо и муку. При этом распустили слух, что советская власть пала, обманули эвенков – угрозами и обманом перетянули их на свою сторону. Арестовали Устинова и жену старателя Жмурова и заперли их в пустом сарае около зимовья. Охрану выставили из эвенков.

Но Жмурова и Устинов стали по одному уговаривать охранников бросить разбой и заняться добрым делом. Советская власть не пала.

Война кончилась. Хватит крови. Вернётся из Якутска В. Бертин и придётся отвечать по полной мере.

Эвенки освободили пленников. Помогли захватить вожака бандитов Алексеева и его помощника.

Так и явились они на Незаметный: впереди процессии – Жмурова в красном полушубке и штанах, с наганом на поясе. За Жмуровой шли Устинов, эвенки и привязанные к хвостам лошадей главари банды.

Члены артели, бывшие партизаны и красноармейцы были за то, чтобы бандитов отправить в Якутск: пусть их судят там по закону.

– Тайга свой закон! – возражали якуты и эвены.

Было принято требование большинства.

Бандитов судили на общем собрании всей артели, неподкупным судом тайги. Не мешкая выбрали судей: русский, якут и эвенк.

На следствии, проведённом прямо на собрании, выяснилось, что кровавых злодеяний совершено много. Алексеев и его соучастники были главарями банды. Это они убили старателей и красноармейцев 5-й армии в 1922 году. Они готовили нападение на артель В. Бертина, намеревались его убить. Грабили эвенков, издевались над ними. Решение суда: расстрелять.

Всё это внесли в протокол. Собрание единогласно поддержало решение суда. Приговор был приведён в исполнение немедленно.

* * *

«...Разведанный участок золотоносных площадей расширялся. Особенно богатым был Верхне-Незаметный. Даже выдавшие виды таёжные копачи бледнели при виде верхненезаметнинского золота. Оно было видно в песках невооружённым глазом. На том участке артель добывала в день по 4–8 фунтов золота, меньше, чем по 25 золотников на человека, никто не намывал. Но золотом сыт не будешь. А обеспечение продуктами оставалось самым больным местом. Этим воспользовались спекулянты, любители наживы, контрабандисты, спиртоносы, которые потянулись на Незаметный вслед за старателями».

От забот у В. Бертина почернело лицо, продолжала сильно болеть голова от побоев в плену, стала нетвёрдой походка...

...Денег в первое время у старателей не было, их заменяло золото. Так, щука стоила 20 золотников фунт, сало – 4 золотника, масло – 40 золотников. С этим хаосом надо было кончать.

...В апреле 1924 года был организован трест «Якутзолото», его управляющим стал инженер Харитонов.

В. Бертина назначают заместителем управляющего. С 1925 по 1927 год он возглавит трест.

Михаила Прокопьевича Тарабукина не забыли. И тут скажется характер В. Бертина.

Когда Тарабукин обратится в дирекцию созданного треста «Якутзолото» с заявлением на своё право первооткрывателя ключа Незаметного, выйдет Постановление дирекции треста (протокол № 1 от 25 августа 1924 года):

«1. Считать тов. Тарабукина фактическим первооткрывателем ключа Незаметного, давшим своим открытием возможность создания прочной базы для развития предприятия «Якутзолото».

2. Ввиду того, что Тарабукин по своей неграмотности и незнанию существующих законоположений не использовал своих прав первооткрывателя, и что необходимо всячески поощрять поисковую деятельность таких пионеров-золотоискателей, назначить тов. Тарабукину вознаграждение отчислениями в его пользу ста рублей с каждого добытого предприятием пуда золота.

3. Производить эти отчисления с начала деятельности «Якут-золото», с апреля с.г. впредь до выработки прииска Незаметного».

* * *

Ныне в центре Алдана, выросшего на месте посёлка Незаметный, стоит памятник его первооткрывателям В.П. Бертину и М.П. Тарабукину.

Слава о золотоносном районе разнеслась по всему миру.

Жизнь приисковая

Государственной добычи золота до 1925–1926 годов на Алдане не было. Действовали исключительно старатели. В это время, кроме Незаметного, работы велись на пяти-шести приисках. Всё вершилось вручную. Кайло, лопата, лоток – основные орудия.

В.П. Оноприенко пишет: «Жили старатели артелями в бязевых и ситцевых палатках, в которых обязательно стояла железная печка, грубо сколоченный стол, нары (зачастую из слегка затёсанных жердей), в лучшем случае деревянные, самодельные топчаны. Пол и невысокий сруб в 60–70 сантиметров был из тех же жердей. Только в палатках начальства можно было увидеть примитивный стул-крестовину из двух досок, с прибитым к ней сидением. Конструкцию стула предложил один из управляющих прииском Ананий Абрамович Лозовский, поэтому стул назывался его именем, только на китайский манер – лозоза. Горнослужащих, особенно инженерно-технических работников, старались поселять в бараки и в маленькие хибары.

Артель имела «мамку», женщину, обязанностью которой было приготовление пищи, поддержание в палатках чистоты и порядка, стирка белья. Мамка была полноправным членом артели, получала такой же пай золота. За штопку получала с «сынков» особую плату. Чаще всего это была жена какого-нибудь старателя.

Служащие управления обычно объединялись в «коммуны», по 15–20 человек в каждой, и нанимали себе «мамку» со стороны. Поскольку женщин на приисках было мало (членов семей из-за недостатка продовольствия завозить не разрешалось), то «мамки» обычно зарабатывали не меньше, а даже больше любого старателя».

Даже после появления треста «Алданзолото» не было эксплуатационной разведки, необходимых кадров, горного оборудования. Прибывших определяли в артели, им нарезали деланки. Несмотря на это, добыча золота на Алдане увеличилась через год на десятки процентов.

«...Государство получало много тысяч рублей дохода. Причём было известно, что далеко не всё добытое золото поступает в казну государства. Приостановить же утечку его, особенно через китайцев и корейцев, было невозможно.

За право золотодобычи в оплату расходов треста по содержанию горного надзора, школьной и медицинской сети, на строительство нагорных канав, подводящих воду из речек на разрабатываемые старателями «разрезы», с каждого члена артели взыскивалось три рубля в день в золотом исчислении.

Многие старатели, несмотря на высокие заработки, вынуждены были на зиму уходить в «жилое место». Уходили с небольшим запасом продуктов в семисотвёрстный путь по еле заметной тропе сквозь тайгу, через горные хребты и перевалы, безымянные ключи и речки. Неудивительно, что многие гибли в пути от голода. Много позже находили в тайге скелеты неизвестных старателей, погибших от голода, в котомках которых было золото».

И.В. Сущенко описывает приёмку золота от старателей так: «Самая любопытная из всех процедур по приёмке золота от старателей – это отдув кассиром минеральных примесей. На стол, покрытый ворсистой тканью, кладётся металлический лист. На него кассир высыпает принимаемое золото. Вороша всё время пинцетом, начинает отдув. Золото иногда бывает очень мелкое, отдувается вместе со шлихами и «тонет» в ворсистой ткани, которая и служит этой цели.

На Алдане долго бытовал анекдот, как отдувал золото один кассир. Был он бородачом и каждый раз при отдуве как бы ненароком смахивал бородой золото. Старатель долго наблюдал эту картину, видел, что кучка золота убывает на глазах.

– Ну, паря, махни ещё раз бородой, и я уйду».

Мне интересно было знать, как оценивалось золото при приёмке от старателей. Вот как это происходило:

«Конторские помещения на всех приисках были однотипны. Рубленый в лапу четырёх-стенный дом, разделённый тесовыми переборками на кабинеты управляющего, бухгалтерии, маркшейдера и нарядчиков. За деревянной решёткой – золотоприёмная касса с лабораторными весами. У стола, на его высоте, укреплен на деревянном чурбане большая чугунная ступка, в которой кассир толкот принимаемое от старателей золото, если в нём оказывались вкраплены примеси, например, кварц. Затем большим магнитом отделял железняк, азотной кислотой проверял чистоту сдаваемого золота, нет ли в нём посторонних примесей, в частности меди. Среди старателей, особенно среди китайцев и корейцев, были искусные мастера, которые умели подмешивать в золото латунь, отличить которую на глаз было невозможно, поэтому и применялась кислота. Кроме того, кассир-золотоприёмщик должен определить предполагаемую пробу сдаваемого золота. Для этого у него имеется связка металлических ключей, на конце которых напаяно золото различных проб. Проба эта выбита на ключе.

Обычно на тёмной сланцевой плитке кассир наносил черту крупинкой принесённого золота. Затем по цвету подбирает соответствующий ключ и рядом наносит вторую черту, иногда третью, четвёртую, до тех пор, пока не совпадал цвет. После этого определить предполагаемую пробу не представляло труда: она была обозначена на ключе».

Валютный цех страны

Одной из первых задач «Алданзолото» в это время было сосредоточение в одних руках снабжения приискового населения. На Незаметном открылся торговозаготовительный отдел с подчинением напрямую Москве. Руководящие кадры направляла Москва. В основном это были боевые командиры Красной армии, демобилизованные после гражданской войны.

Плохое снабжение, цингу выдерживал не всякий. Предстояло организовать на приисках устойчивую государственную добычу металла.

План на 1925/1926 гг. решено было значительно увеличить. «Наступил новый 1926 год, который стал годом превращения Алдана в валютный цех страны. Все отдавали себе отчёт в том, что главное в подготовке к летнему промысловому сезону является обеспечение Алдана продуктами питания, промышленными товарами и техническими грузами. В целом «Алданзолото» и в частности его торгово-заготовительный отдел прилагали все усилия к выполнению плана грузоперевозок. Более трёх тысяч лошадей крестьянских комитетов взаимопомощи Ленского, Олекминского, Западно-Кангаласского, Намского, Меньшо-Кангаласского районов перевозили технические и продовольственные грузы с ленских баз. До тысячи лошадей перевозили из Вилуйского, Сунтарского и Нюрбинского районов свежемороженую рыбу, боровую дичь, ягоды, мясо и другие сельхозпродукты местных заготовок. Такое же количество лошадей, около двух тысяч верблюдов везли груз со стороны Большого Невера. День и ночь по таёжным дорогам двигались нескончаемые обозы.

Поскольку транспорт был до постройки Амуро-Якутской магистрали исключительно гужевой, большой заботой была заготовка сена, которого требовалось около пятисот тысяч пудов. Не имея сена, нельзя было рассчитывать на завоз товаров, содержать собственный транспорт, без которого была бы парализована вся жизнь приисков. Совнарком своим постановлением обязал обеспечить сенокосчиков литовками, граблями, отбойными молотками, оселками и т. д., доставить к местам заготовок баржи для погрузки сена. Крестьянские комитеты этим постановлением обязаны были, помимо заготовки сена, осуществить его доставку к месту погрузки, погрузить и сопровождать до Саняхтахской базы. Всё это требовало большой организационной работы.

В 1926 г. состоялось постановление союзного Правительства, которое выделило для «Алданзолота» в Укурейской степи триста тысяч гектаров сенокосных угодий для создания сено-совхоза. Создавать в голой степи совхоз, набрать необходимое количество рабочих, обеспечить их хотя бы временным жильём, продуктами питания, транспортом, сеноуборочной техникой – дело нешуточное. Но уже в 1927 г. «Алданзолото» имело более миллиона пудов своего сена отменного качества», – отмечал П. Оноприенко.

В 1926 году председатель Совнаркома Якутской АССР М.К. Аммосов писал: «Появление нового Алданского (правильнее – Томмотского) района произвело целый переворот во всей золотопромышленности Союза».

«Позвольте представиться...»

Постепенно Алдан превращался во всесоюзную стройку.

В 1926 году руководство треста «Алданзолото» пригласило Ю.А. Билибина на Алдан. От Большого Невера до Незаметного он две недели добирался на лошадях.

В техническом отделе главного приискового управления Ю.А. Билибин быстро сдружился с проходившими практику студентами-практикантами Московской горной академии Б.М. Вронским, Н.М. Зайцевым, М.Г. Котовым, П.М. Шумиловым и студентом МГА П.Я. Дрожжиным. Он организовал шесть геолого-поисковых партий, которые продолжали геологическую съёмку района, начатую В.Н. Зверевым.

Студенты знакомились здесь с азбукой разведочного дела, начиная от проходки шурфов, промывки и до первичных подсчётов запасов золота.

...Надвигалась весна, и практикантов отозвали на Незаметный. Их стали использовать на разных «подсобных работах». То они вели теодолитовую съёмку, то занимались нивелировкой, то просмотром шлихов, отдувкой и взвешиванием золота, занесением данных в шурфовочный журнал – довольно скучная работа.

Известный впоследствии геолог Б.И. Вронский напишет: «Нас манила тайга, а вместо этого приходилось томиться на прииске, занимаясь скучной работой. Да и бытовые условия были ниже всякой критики. Особенно нас донимали клопы. Они буквально кишели в пазах и трещинах барачных стен, доводя нас до неистовства. В конце концов, мы нашли выход – сшили из простыней мешки, забирались в них с головой и завязывали изнутри. От клопных укусов мы спасались, но почти нестерпимая духота была слишком дорогой компенсацией за это удовольствие. Только в субботние дни мы после работы уходили на ночь в тайгу и возвращались поздно вечером в воскресенье. Однажды – это было в конце июня или начале июля – мы сидели у себя в барачке, разрабатывая план похода на будущую субботу, как вдруг раздался стук в дверь, и в барак вошёл рослый загорелый детина в коричневой кожаной куртке и кепке, из-под которой падал на лоб густой клочок рыжих волос. Его загорелое лицо, покрытое густой россыпью веснушек, было обрамлено ярко-рыжей бородой. Из-под густых бровей весело смотрели голубые глаза.

– Позвольте представиться, – произнёс он. – Билибин Юрий Александрович, главный геолог «Алданзолота». Только что приехал, узнал, что здесь живут студенты-геологи, и зашёл познакомиться.

Мы в свою очередь представились. После обычных разговоров о том о сём он расспросил нас, чем мы занимаемся, какие у нас планы. Мы посетовали на наше положение, рассказали о желании работать и заниматься геологией. Он обнадежил нас, сказав, что постарается помочь.

Просидел он у нас часа два. Показался несколько суховатым, и мы не могли предположить, что вскоре нас с этим «суховатым» человеком свяжет крепкая искренняя дружба».

«Суховатый» человек вскоре станет центром притяжения всего Алдана...

Простым и доступным оказался рослый рыжий бородач и для местных. Спрашивали его:

– У тебя какое прошлое? Не тёмное?

– Из дворян я, – твёрдо и даже с вызовом кому-то отвечал верный себе «лобастый» Билибин.

– Ври! – не верили аборигены. – С такими лапищами, как твои, только булги ворочать. У их благородий эдаких ручек не бывало. Весёлый и крепкий ты мужик! Свой!

Где и как искать?

Приискское управление к моменту приезда Билибина было в незавидном положении. Если точнее – в тупике. Ещё недавно богатые россыпи Незаметный, Пролетарка, Орочен и другие теперь находились на грани выработки. Новых месторождений не было. Где и как их искать?

Ю.А. Билибин решил использовать собственный метод полевых работ. Он заключался в сочетании геологической съёмки со шлиховым опробованием. До того разведка проводилась по сути наугад. Принимали во внимание характер долины ручья, наличие наносов, кварцевой гальки и т. п. Применение шлихового опробования с нанесением полученных полевых результатов на карту давало возможность увидеть перспективные участки.

Такой подход к поиску золота вначале вызвал в управлении недоверие. Но под руководством Ю. Билибина было создано несколько партий, работающих по новой методике. Они-то и показали эффективность нового метода.

Во главе партий он поставил студентов-третьекурсников. И не ошибся. Вронский писал: «Согласно инструкции Геологического Комитета студент пятого курса горного или геологического вуза мог занимать должность не выше старшего коллектора. Билибин не ошибся. Возможно, это назначение и определило нашу дальнейшую деятельность. Трое из нас – Котов, Шумилов и я – прочно обосновались на Колыме, внося свою посильную лепту в дело освоения её природных богатств. Зайцев установил золотоносность богатого Аллах-Юньского района и успешно работал там до начала войны. Как бывший офицер он был призван в армию и погиб на фронте. И только Пётр Дрожжин как-то незаметно отошёл в сторону и исчез с нашего горизонта».

Молодой Юрий Билибин, возглавляя разведочные работы на Алдане в должности главного геолога, заложил основы нового метода геолого-поисковых и разведочных работ. Потом этот метод широко и успешно применялся на Колыме и на всём Северо-Востоке.

Решительно выступив против принятой в «Алданзолоте» сплошной площадной разведки всех ключей и речек изучаемого района, учитывая геологическое строение и поисковые данные, он отказался от разведки почти 75 процентов объектов, доказав теоретически и практически её ненужность. Так была достигнута огромная экономия государственных средств.

А в это время носились слухи о золоте, обнаруженном «хищниками» в верховьях Колымы. Деятельный Вольдемар Бертин пытался организовать туда небольшую экспедицию и даже добился от Якутского правительства соответствующих ассигнований. Но деньги перебросили на какие-то другие нужды.

Успешно действовавший на Алдане Билибин неожиданно получил предложение от концессии «Лена Голдфилдс» занять должность главного геолога с весьма солидным окладом. Молодой инженер отклонил это предложение. Он уже мечтал об исследованиях на Колыме.

Новые друзья

Юрий Билибин давно решил, что непременно пригласит в будущую экспедицию своих новых друзей – студентов-практикантов и уже опытных геологов С. Раковского и Э. Бертина.

Как всё-таки удачно всё складывалось: студенту Юрию Билибину случится однажды услышать поразивший его доклад С.В. Обручева об Алдане, по рекомендации В.А. Обручева его приняли геологом в трест «Алданзолото», и, наконец, уже работая главным геологом треста, он встретится на прииске Незаметный с людьми, готовыми на многие лишения ради дела, которое избрали на всю жизнь: с геологами Сергеем Дмитриевичем Раковским, Петром Михайловичем Шумиловым, Борисом Ивановичем Вронским и другими. Познакомится он и с совершенно уникальными людьми – братьями Вольдемаром и Эрнестом Бертиными.

Хотя Бертины не были дипломированными геологами, но были опытнейшими золотоискателями, самородками. С Эрнестом Юрий Билибин подружился сразу, оценив его притягательный характер.

Как писал позже В. Цареградский: «Эрнесту Петровичу Бертину было уже под сорок лет. Он рано начал трудовую жизнь. Окончив школу железнодорожников, работал машинистом на Сибирской железной дороге. В годы революции, гражданской войны Эрнест Петрович участвовал в борьбе с белогвардейцами и интервентами в Забайкалье, на Дальнем Востоке, сражался в партизанском отряде. Позже в Иркутске работал следователем в губчека, а в 1923 году перебрался к брату на Алдан. Эрнест Бертин был страстным охотником и рыболовом, любил вкусно и много поесть и посидеть в компании, послушать и рассказать остроумные анекдоты, много курил (всегда папиросы «Казбек»), не прочь был поиграть в карты, но играл обычно сдержанно. Был среднего роста, коренастый, на висках его крупной круглой головы едва намечались залысины. По мнению многих, Бертин считался красивым. У него были правильные черты лица. Выступающий подбородок и серые холодные пронизательные глаза подчёркивали мужественность, а узкие и как бы поджатые, редко улыбающиеся губы придавали его облику оттенок суровости».

Э. Бертин работал потом во многих сибирских организациях. Последние свои годы жил в Ленинграде. Не стало его в возрасте 86 лет в 1979 году.

...В кругу друзей Ю. Билибин был весёлым парнем. Все отмечали его поразительную способность быстро сходиться с людьми. И все знали его страсть заключать пари. Иногда в поисках подтверждения собственным мыслям о том, куда двигаться дальше в своих геологических поисках, он предлагал неожиданные состязания с жёсткими условиями.

В одном из таких состязаний предлагалось выпить чайник (!) чистого спирта. Соперниками оказались Ю. Билибин и Э. Бертин. Третьейским судьёй избрали Вольдемара Бертина.

Всё действие сопровождалось составлением протокола, в котором точно фиксировали место действия, время, исполнителей и так далее.

Главный приз был определён пятым пунктом протокола: «Кто чайник выпьет, тот выигрывает: Ю.А. Билибин – Чукотку, Э.П. Бертин – Колыму».

Ю. Билибин лихо первым справился с поставленной задачей. (В свой чайник он ловко налил обычную воду, третейский судья подмены не заметил, хотя потом догадался).

А Э.Бертин простодушно принял к чайнику со спиртом, но надолго его не хватило...

Уже после Вольдемар Петрович строго отчитал брата за то, что тот рискует спойть Ю. Билибина вместо того, чтобы учиться у него, как искать золото. Обещал установить контроль. Сам Вольдемар Петрович не курил и не пил.

«Вольдемара Петровича особенно привлекала в Билибине его железная самодисциплина, его собранность и принципиальность. По просьбе Бертина Юрий Александрович не раз выступал перед рабочими. Говорил он ясно, как и писал, сразу набело крупными, чёткими буквами.

Старателям нравились в этом рыжебородом человеке его открытая улыбка и к месту злой сарказм в словах и в блеске его умных глаз. Билибин никогда не подлаживался под рабочих, но и не ставил себя выше них. Любил поговорить с бывальыми, толковыми людьми. Много расспрашивал сам и охотно отвечал на бесчисленные вопросы таёжников. Вскоре после его приезда в Незаметный весь прииск знал, что главный геолог не только умница и отлично понимает своё дело, но что он и не дурак выпить, неплохо разбирается в еде, не прочь повеселиться. В общем – на работе требовательный, строгий, а после работы – компанейский человек и такой же грешный, как и все». (П.И. Мельников).

А вот впечатление от встреч с Билибиным в 1927 году женщины-геолога Варсеник Вронской, впоследствии ставшей писательницей: «Так и чудилось, что передо мной предстал один из легендарных викингов или некто из клондайских персонажей Джека Лондона, а может быть, даже и сам Фритьоф Нансен». И далее: «...Самолюбие не последняя черта в характере Билибина. Это самолюбие человека, сознающего свою внутреннюю силу, свой интеллект...

Он был прост, но не простоват. Слог – предельно чётко, ясен, точен. Так же, как он пишет, так и говорит. Не было у него и обращения на «ты»... Мы постоянно чувствовали возле себя его незримое присутствие. И не было более убедительного аргумента, когда мнения в коллективе почему-то расходились, как напоминание, что так ведь сказал Юрий Александрович».

Сравнение В. Вронской Ю. Билибина с Фритьофом Нансеном меня порадовало. Это сходство я отметил для себя, ещё когда начал читать статьи Ю. Билибина и почувствовал его характер.

Ю. Билибин и сам постоянно приглядывался к своим подопечным, внимательно наблюдая за их профессиональным ростом, заботливо помогая совершенствоваться. Ему нужны были помощники-профессионалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.